

Соревнование миллионов

Советский народ с огромным энтузиазмом готовится встретить дорогую сердцу каждого советского человека, каждого труженика замечательную дату — семидесятилетие со дня рождения великого вождя народов, любимого учителя и друга всего прогрессивного человечества Иосифа Виссарионовича Сталина.

От края и до края по всей нашей необъятной стране советские люди, окрыленные пафосом творчества и создания, стремятся своим самоотверженным трудом достойно ознаменовать семидесятилетие товарища И. В. Сталина.

История нашей социалистической отечественной знает множество примеров патриотического подвига, замечательных трудовых подвигов советских людей. Но волею социалистического соревнования и стахановского движения никогда еще не поднималась так высоко, как в эти незабываемые дни. Притягивая к славному дате с новыми победами — единую стремление всех граждан страны Советов.

Декабрьские дни войдут в славную летопись могучего всенародного соревнования, как одна из самых ярких страниц, свидетельствующая о безграничной любви и преданности народа непобедимой коммунистической партии и величайшему гению человечества — Сталину.

Впервые за тысячелетия истории человечества социалистической стройкой огромным образом изменил общественные отношения людей. Эти отношения характеризуются у нас товарищеским сотрудничеством и социалистическим взаимопомощью свободных от эксплуатации людей. Впервые в истории народ, став хозяином своей судьбы, развернул свои могучие способности, обнаружил таланты, которых в нашем народе непочатый блин. Товарищ Сталин поднял значение социалистического труда на гигантскую высоту. Товарищ Сталин говорил: «Рабочие и крестьяне, без шума и треска строящие заводы и фабрики, шахты и железные дороги, колхозы и совхозы, создающие все благ жизни, кормящие и одевающие весь мир — вот кто настоящие герои и творцы новой жизни».

Величайшая роль в развитии социалистического соревнования принадлежит нашему учителю и вождю — родному Иосифу Виссарионовичу Сталину. Товарищ Сталин развил и поднял на новую ступень ленинское учение о социалистическом соревновании.

Когда в нашей стране вспыхнула пламя стахановского движения, товарищ Сталин оказал этому наиболее жизненно и непродолимо движению современности всемерную поддержку. Товарищ Сталин указал, что «стахановское движение представляет будущее нашей индустрии».

От первых коммунистических субботников до заводов коллективного стахановского труда — таков гигантский путь, который прошли советские люди, развивая и утверждая соревнование, как могучую движущую силу социалистического строительства.

Миллионы трудящихся проявляют свою высокую активность в деле развертывания социалистического соревнования. Советские люди выливают в нем коммунистический метод строительства, выливают могучую силу коммунистического воспитания.

Миллионы трудящихся самоотверженно борются за выполнение и перевыполнение производственных планов. Они сознают себя полными творцами новой жизни, полными хозяевами всех богатств своей Родины.

Миллионы трудящихся проявляют величайшую инициативу в разработке передовых, прогрессивных методов труда, обеспечивающих неуловимый рост социалистической индустрии и социалистического земледелия. Советские люди знают, что рост могущества любимой Родины обеспечивает народу еще более радостную и зажиточную жизнь.

В социалистическом государстве трудовой человек в почете. Работая на себя, на благо своей родины, он чувствует себя свободным гражданином своей страны, активным общественным деятелем. «И если он...» — говорил товарищ Сталин, — «работает хорошо и дает обществу то, что может дать, — он герой труда, он овеян славой».

Партия Ленина — Сталина и наше

советское правительство широко применяют систему награждений и премирования за достижения и успехи в работе во всех областях хозяйства и культуры. Каждый советский человек, удостоенный правды, достойный награды, почитает своей родной советской властью на шит почета. Ему особенно дорог эта награда потому, что в ней выражена забота родного товарища Сталина, партии и правительства о рабочих и колхозниках, о деятелях науки и культуры.

Наши дни богаты чудесными примерами героизма в труде. Сталинские питомцы — стахановцы промышленности и сельского хозяйства — зажгли миллионы сердец своим боевым примером доблестного, беззаветного служения Родине. Во всем этом грандиозном соревновании миллионы видя вождем и вдохновляющей волей нашей большевистской партии.

Передовые люди промышленности и сельского хозяйства решают сложнейшие проблемы, сознавая свою высокую ответственность за всемерное распространение прогрессивных начинаний. Новаторы не довольствуются тем, что они достигли успеха на своем конкретном участке. Они рассматривают свою работу с позиций государственных, с позиций общенародных.

Вот почему так велика могучая жизненная сила социалистического соревнования, вот почему в таких широких масштабах переходящих производств догоняют друг друга, изыскивают новые источники повышения производительности труда. Инициаторы скоростных методов резания, лауреаты Сталинской премии рабочие-токари Г. Борткевич, А. Марков, П. Быков и Н. Угольников пришли к своим победкам своим путем. Но каждый из них, развивая свой опыт, применяя нововведения товарища по труду. Таким образом, создавался у нас богатая наука по скоростному резанию, создавалась социалистическая технология производства. Именно поэтому так эффективен этот метод новаторов. Подсчитано, что внедрение скоростных методов резания металлов во всей нашей индустрии даст стране 700 миллионов рублей экономии в год.

Советские люди испытывают большую гордость за творчество работников нашей науки и техники, непреклонным законом деятельности которых является всемерное облегчение труда человека, повышение производительности труда. Прекрасный образец такого социалистического метода работы показали конструкторы завода «Красный пролетарий». Они сконструировали скоростной токарный станок, которого еще не знает мировая техника. Управление этим станком полностью механизировано.

Девиз советских людей: сегодня работать лучше, чем вчера, завтра лучше, чем сегодня.

Соревнование миллионов советских людей в честь семидесятилетия товарища И. В. Сталина пронизано горячим стремлением рабочих, колхозников, интеллигенции досрочно выполнить производственные планы нынешнего года, поднять производительность труда, снизить себестоимость, улучшить качество продукции. Каждый труженик нашей Отчизны предельно желанно прославить свое отечество инициативным и самоотверженным трудом, новыми производственными победами.

Принимая конкретные обязательства по развертыванию всенародного соревнования, советские люди обращают свои мысли и чувства к родному Иосифу Виссарионовичу, чье имя олицетворяет наши победы. Эти чувства прекрасно выразил металлург московского завода «Серп и молот». На многоязычных рабочих собраниях сталеваля, прокатчики единодушно выразили свое сердечное стремление достойно встретить великую дату. Стаханар Тихон Дроздов сказал:

— Наша бригада сняла 18,7 тонны стали с одного квадратного метра печи под пещи, а мой товарищ Валерий Журавлев добился небывалого производственного успеха, сняв 19,27 тонны. А на предприятиях Америки с аналогичных пещей снимают 11—12 тонны стали с одного квадратного метра печи под пещи. В честь семидесятилетия лучшего друга советских металлургов мы вступаем в соревнование и решили в ближайшее время довести с'em стали с одного квадратного метра печи до 20 тонн.

Ширится соревнование миллионы! Выражая свою беззаветную преданность делу большевистской партии, горячую любовь своему вождю и учителю родному Сталину, советские люди желают ему здоровья и многих лет жизни на благо и процветание социалистической Отчизны.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 100 (2587)

Среда, 14 декабря 1949 г.

Цена 40 коп.

Вс. ВИШНЕВСКИЙ

Незабываемый 1919-й

Май 1919 года. Кремлевский кабинет В. И. Ленина. В окна падают солнечные лучи солнца. Ленин сидит за бумагами. Входит женщина-секретарь.

Секретарь. Вы вызывали товарища Сталина? Он пришел.

Ленин. Просите, просите, я ждал. (Секретарь выходит. Через краткий промежуток времени в кабинет входит И. В. Сталин. В. И. Ленин поднимается ему навстречу. Они здороваются.)

Ленин. Очень, очень хотел вас видеть, товарищ Сталин. Здравствуйте. Сидите, пожалуйста. Сюда. Оглянитесь на фронты — неужели нечего крупнее... Мне кажется, что Республика снова попадает в опасное — смертельно опасное — положение... Я хотел вам сказать о том, что меня беспокоит — и уже не первый день. Мы ведь с вами всегда открывали до конца.

Сталин (все еще стоит). Безусловно, Владимир Ильич. Я говорю то, что думаю, хотя порой это может некоторым и не нравится.

Ленин. Вот и я хотел бы сказать нечто, что не понравится нашему Реввоенсовету, Республики и, может быть, еще кое-кому... Присаживайтесь, пожалуйста... (Товарищ Сталин садится). Итак... Убеждаюсь все больше, что наш Реввоенсовет работает плохо... О сосредоточении сил Колчака он предупредил поздно, недоуменно пошло... Сейчас повторяется такая же история с Деникиным — и боюсь, что может повториться подобное же под Питером...

Сталин. Совершенно разделяю ваши опасения.

Ленин. Реввоенсовет успокаивает. Видимому, метод, привычка: успокаивать и успокаивать. Плохая тактика. «Игра в сложистость».

Сталин. Которые каждый раз сменяются истериками Троцкого...

Ленин. А на деле застой, почти развал. Ставят негодных военных руководителей.

Сталин. Или поощряют болтунов или заводных предателей...

Ленин. Такая практика к добру не ведет. Вот и неуспехи, нас бьют... Смотрят (показывает по карте). На юге неуспехи. Деникин прорвал фронт... А в ЦК присылают объяснения, схемы, рисуночки... — о противнике забывают... Газетом так и сообщают: «Воина на юге принимает оборот, неблагоприятный для нас. Свою задачу Украинский фронт решить не может за отсутствием войск...»

Сталин. Что он сообщает о северозападном фронте, о Питере?

Ленин. Он даже не упоминает о Питере... говорит лишь, что формирования западного фронта оказались нулевыми негодными...

Сталин. По-моему, не войска оказались негодными, а автор этого сообщения — Газетком...

Ленин. Я уверен, что еще в этом году Антанта опять начнет натиск... Они хотят дать нам «последний бой», наступить нам на горло... Это — замыслы Черчилля. А эти наши «деятель» в такие дни шлюют схемы, рисуночки, объяснения!.. Но сами себя и опровергают: этот фронт «не может», этот «не в состоянии»...

Что я хотел бы особо отметить — противник все упорнее действует изнутри: огромные заговоры... — уже говорил Держвинскому... — услышали действия иностранных агентов, усиливших кулацкие восстания, участвующих врывы на железных дорогах... В Петрограде была сделана попытка взорвать водопровод... Взбавок голод... Ведствия Питера действительно велики... Спьян... Вот мне пишут пулю...

(Протягивает письмо рабочих. Сталин быстро пробега его. Говорит: «Смею и правильно пишу. Я знаю некоторых из авторов письма...».)

Надо все перестраивать по-военному. А нас успокаивают или обманят, что дела будут еще хуже... Чорт знает что!.. В Питере — скопища бывшего офицества, бывших собственников, перебежцы через границу... Во что там наболтали за порядком?! В военном деле все эти ушачьи преступления, глупости, схемы, рисуночки... Мотивы, возмущения на воздух взлетают, а они рисуют... Или жалятся, что отдали уже все силы и ничего больше дать не могут... Это Питер-то?.. Сидят там... (Махнув рукой). Иосиф Виссарионович, если надо будет, на два, три, четыре месяца закройте все учреждения, пусть, безусловно, необходимо, проведем мас-

Пьеса Всеволода Вишневского «Незабываемый 1919-й» рисует события на Петроградском фронте в мае—июне 1919 года, когда англо-белогвардейцы пытались налетом захватить Петроград. ЦК большевистской партии и лично В. И. Ленин направили на этот важнейший фронт товарища И. В. Сталина, который стремительно ликвидировал опасность. Мы печатаем продолжение пьесы. Полностью пьеса будет опубликована в № 12 журнала «Новый мир».

совые мобилизации коммунистов, рабочих... — но людей на фронт дадим. Противника отбросим.

Сталин (встав). Полностью согласен с этими предложениями. Я хотел бы добавить о делах Петрограда.

Ленин. Да, да... Газет спускает с Петрограда нежить. Горюет этот не может быть слан — ни в коем случае.

Сталин. Тамошнее руководство не понимает — или не хочет понимать этого... Белогвардейский северо-западный корпус под английским прикрытием с моря нанес несколько ударов... — и в Петрограде растеряно, даже паннически «отрагировали»: дали «директиву» об эвакуации города... (Ленин и встает и жестикулирует).

Ленин. Это преступление!.. (Вызывает секретаря. Она входит). Прощу прощения. (Секретарь уходит). Пишите. (Встает): «Петроград. Смольный Совет Обороны предлагает дать переносимый ответ: по каким соображениям было решено эвакуировать некоторые заводы Петрограда и окрестности, кем и почему дано было распоряжение о потоплении судов...» Все.

Секретарь. Подпись ваша?

Ленин. Да... Отправить вне всякой очереди... (Секретарь уходит). Этские удельные князья: хочу — уезжаю, хочу — отступаю, хочу — толплю флот... Существует ли для них ЦК, существует ли правительство?... С указами покончим. Эти настроения надо раздвинуть — и решительно... И тут мы рассчитываем на вас, товарищ Сталин... Вы знаете дела Петрограда...

Сталин. В меру возможности, Владимир Ильич.

Ленин. Я просил бы вас изложить ваши соображения о Питере — и о военной и политической обстановке на Петроградском фронте, с вашей точки зрения.

Сталин (подходя к карте). Противник думает окружить Петроград... Вероятные направления ударов: с Петроградского участка — заход с востока; с Карельского перешейка — удар с севера, на короткое — до города каких-нибудь 30 километров. Нарский участок — удар с запада — на Гатчину, Красное Село. С моря возможны английские удары по Кронштадту, десанты... Затем возможен удар от Искова на Дно — Волово. Цель: перерезать железную дорогу на Москву. Северо-западный белогвардейский корпус, подтянутый с моря английской эскадрой, начал наступление четыре дня назад...

Ленин. Иосиф Виссарионович, и вызвал вас, чтобы от имени ЦК просить отправиться на Петроградский фронт.

Сталин. Я готов выполнить поручение партии...

Ленин. Одну минуту. (Вызывает вновь секретаря). Нужно заготовить мандат для товарища Сталина.

Секретарь. Да... Я записываю, Владимир Ильич.

Ленин. На бланке Совета Народных Комиссаров. «17 мая 1919 года». «Совет Рабоче-Крестьянской обороны командует члена своего, члена Центрального Комитета Российской коммунистической партии, члена Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов Иосифа Виссарионовича Сталина в Петроградский (Шауля) и другие районы западного фронта...» (Обращаясь к Сталину). Там части как будто нулевыми... (Снова встает): «...для принятия всех необходимых экстренных мер в связи с созданием на западном фронте положения...» Так... Это еще не все... «Все распоряжения товарища Сталина обязательны для всех учреждений, всех ведомств, расположенных в районе западного фронта». Так... И это не все... Надо подкрепить ваш опыт Парыны и Перми... «Товарищу Сталину предоставляется право действовать именем Совета обороны, отстранять и прибирать суду Военно-революционного tribunala всех виновных должностных лиц...»

В далеком Нарыме

НАРЫМ, Томской области. (Наш спецкорр.). Царское правительство жестоко преследовало товарища И. В. Сталина за его революционную работу. Он трижды был сослан в Сибирь: в 1903 году в Новую Уду, в 1912 году в Нарым, в 1913 году в Туруханский край. Жители этих мест всегда хранят в памяти теплые воспоминания о встречах и беседах с великим вождем.

В селе Нарым летом прошлого года был создан музей имени товарища И. В. Сталина. Это большое, светлое здание, в котором три зала. Экспонаты музея повествуют о большом, прекрасном жизненном пути нашего вождя. Первый зал рассказывает о детстве товарища И. В. Сталина и первых годах его революцион-

ной деятельности; второй — о его деятельности в период русско-японской войны и первой русской революции; экспонаты третьего зала охватывают годы революции и период ссылки в Нарым Иосифа Виссарионовича, а также его соратников — И. М. Свердлова, В. В. Куйбышева.

Своеобразным продолжением экспозиции служат стоящий на дворе музея дом крестьянина Алексея — пятистенный изба из двух комнат, с кухней и надворными постройками. Скромное внутреннее убранство избы восстановлено таким, каким было в 1912 году, когда здесь жил товарищ И. В. Сталин. В углу комнаты стоит любимой сулунчок, с которым Иосиф Виссарионович приехал в ссылку.

Есть у вас, товарищ Сталин, какие-нибудь дополнения?

Сталин. Нет, документ исчерпывающий. Ленин (секретарю). Перечитайте сейчас же и мне на подпись.

Секретарь. Сейчас перечитает и принесу, Владимир Ильич. (Уходит).

Ленин. Ну, теперь мы с вами будем «их» успокаивать. Мы им пошлем «рисуночки» и покажем нашу «схему»...

Сталин. Я хотел бы, Владимир Ильич, затронуть некоторые практические вопросы...

Ленин. Не теряя ни минуты?..

Сталин. Да. Вот этот автор кислых соображений — я говорю о Глазкове — тоже хочет вывести Балтийский флот из строя. Он не рискует топить Балтийский флот сразу, как это хотел сделать Зиновьев... Он предлагает превратить линкоры и крейсера в пловучие батареи... Их будут таскать буксирами...

Ленин. То-есть, как? Это же значит лишить флот подвижности, оперативности... Идейка, простите, архиглупая...

Сталин. Значит, считает, что Балтийский флот остается в качестве действующего флота... Уверен, что матросы Балтийского флота сумеют себя показать как революционная сила. Балтийский флот может оказаться очень нужным...

Ленин. Согласен. Флот не раз помогал партии и еще поможет. Да, кстати, учтите и тактику врага, приемы этого Черчилля: авианюрим, налеты, отчаянные предприятия, сессии панники... Выигните Питеру: бдительность, доведенная до высших пределов. Принимайте любые меры. Лучше посадить или расстрелять сотни изменников, чем позволить белым перерезать, перебить десятки тысяч трудящихся...

Сталин. И еще одно предложение.

Ленин. Я слушаю.

Сталин. Вы дали второго мая указание за вашей подписью о введении в Петрограде осадного положения и ряда мер... Я не уверен, что тамошнее руководство довело это до масс... Я предлагаю поэтому обратиться от имени ЦК к петроградскому пролетариату...

Ленин. Да, это будет надежное.

Сталин. Именно.

Ленин. Отличное предложение... Не будем терять времени. Запишем... (Записывает). К рабочим и всем трудящимся Петрограда. «Красный Петроград находится под серьезной угрозой. Петроградский фронт становится одним из самых важных фронтов Республики».

Сталин. Советская Россия не может отдать Петроград даже на самое короткое время. Петроград должен быть защищен во что бы то ни стало...

Ленин. Стыжком велико значение этого города, который первый поднял знамя восстания против буржуазии и первый одержал решающую победу. Петроградские рабочие не жалея сил, отбавили десятки тысяч своих борцов на все фронты. Теперь вся Советская Россия должна прийти на помощь Петрограду... Так?

Сталин. Скажу по секрету, Владимир Ильич, что думаю обходить без присылки резервов... За счет внутренних сил Петрограда... Я уверен, что это возможно. Отдайте внимание другим фронтам, простите, помоги не махером.

Ленин. Ну, хорошо... Действуйте, как вы считаете полезным. Оставим этот текст в качестве основы... Затем отомлет на Политбюро, и не позже, чем через три дня, текст будет опубликован.

(Секретарь вносит готовый мандат).

Ленин (подписав мандат). Вручаю вам... И как ни тяжело положение, уверен: выдержим, устоим. Народ у нас чудесный... Отдадим... Остаются позади эта гражданская война, откроется главное: мирное строительство. Как оно привлечет! Мы хотим его, даем его... Повесить ему все свои усилия, всю свою жизнь... Вам еще сорок лет, вы молодцы, Иосиф Виссарионович, еще много увидите... Ну, пожелаю успеха. Помните — противник опасный, думит, умеет, думит до конца. А Черчилль — это старый колониальный каратель...

Сталин. С врагами будем действовать по-вражески... Это мы их додумим, — и до конца.

Ленин. Да, минутку; пожалуйста, передайте морякам Балтийского флота и бойцам и командирам Петроградского фронта...

Сталин. Передам обязательно. До свидания!

Ленин. Всего вам доброго... (Крепко обрывает руку Сталина). И прошу вас: по делу обращайтесь ко мне в любую минуту, в любой обстановке...

Поезд пришел из Венгрии

Первый зарубежный эшелон с подарками товарищу И. В. Сталину прибыл по «зеленой улице» в Булденте в Москву. Три дня шли по равнинам и горным перевалам Венгрии, Закарпатья, Украины. Россины вагоны с драгоценным грузом. Три дня встречали эшелон на всех станциях и подстанциях праздничные одетые венгерские и украинские крестьяне, солдаты, железнодорожники, горняки.

250 тысяч мужчин, женщин, детей осмотрели эти подарки на выставке в Булденте. Они не только осматривали подарки: членам подготовительного комитета были даны тысячи советов. Каждому местному венгру хотелось, чтобы подарки его народа пришли по душе дорогому человеку.

Искреннюю любовь к своему освободителю и другу выжили люди Венгрии в каждую деталь этих подарков. Много часов истинного творчества перекали телеграфная «Стандарт», изобретившие телефонный аппарат из прозрачного материала; вагоностроители с «МАВАГа», сконструировавшие из бронзы и мрамора модель пешеходного моста через Дунай; механики с «Гамма», которые изготовили фотоаппарат и объектив, увеличенные советским и венгерским гербами и цифрой «70» в золотом венке; электрики городского управления, которые сделали бронзовый земной шар с памятником советским воинам на горе Геллерт.

Подарки товарищу Сталину сделаны рабочими и сельскими кооперативами, мастерами-одиночками и жителями мелких городов. 14 районов Булдента объединили свои усилия, и самые непревзойденные умельцы с заводов «Данубия», «Агроланд», «Жюльен» отшлифовали и выточили настоящую лампу в форме кремлевской башни.

Не перечислить всех подарков, которые прибыли 11 декабря на Киевский вокзал столицы. Ивованные, стальные выливы из вагонов представители демократической Венгрии: дунайский пароход-скоростник Мира Муска, крестьянка Михайле Берки, член делегации Чаллаз Миклош и другие. Они говорили о том, что благодарят советский народ и товарища И. В. Сталина за освобождение, за помощь в деле построения социализма, за опыт, помогающий молодым строителям нового общества. Они говорили о том, что счастливо принесли горячую любовь и передали сыновние приветы от всех трудящихся людей новой Венгрии великому вождю, что «никакие подарки не могут выразить всю глубину наших чувств к товарищу Сталину». Так пишут венгры в письмах на имя вождя народов, приложенных к подаркам.

Первый эшелон пришел из-за рубежа в Москву.

В Бухаресте и Софии, Варшаве и Праге, Тирине и Улан-Баторе, в Париже и Риме готовится подарки великому Сталину. Вскоре двинутся в путь новые эшелоны с подарками ко дню семидесятилетия вождя народов.

С. ГУДЗЕНКО

Учителю и другу

СОФИИ. Вся страна готовится торжественно отметить семидесятилетие Иосифа Виссарионовича Сталина. Миллионы болгарских трудящихся вступили в соревнование. Фабрики и заводы каждый день одерживают трудовые победы.

Ирким выражением великой любви болгарского народа к И. В. Сталину являются пять миллионов подписей под благодарственным адресом вождю трудящихся всех стран.

103 тома в кожаных переплетках с подписями трудящихся вместе с сотнями подарков, приложенных со всех окраин страны, экспонированы сейчас на открытой в Софии выставке подарков вождю и учителю всего прогрессивного человечества товарищу И. В. Сталину.

Вот одна из этих книг — книга Шестого района столицы. Каждая страница украшена заботливой рукой красивыми вышивками с надписями: «Желаем тебе счастья и долгая жизнь»; «Учителю и другу прогрессивного человечества»; «Вдохновителю социалистического строительства»; «Ибо столько на гитаровском фантомном»; «Величайшему стратегу революции». Выслу — подписи, множество подписей граждан свободной Болгарии.

С огромной любовью подготовленные рабочими и крестьянами Болгарии подарки отражают стремление болгарского народа к социалистическому будущему, его дружбу и преданность Советскому Союзу, большевистской партии, товарищу И. В. Сталину.

Дары любви и признательности

ВАРШАВА. Вместе с советским народом трудящиеся Польши с огромным энтузиазмом готовятся к знаменательной дате — 21 декабря.

Тысячи рабочих, крестьян, трудящихся интеллигенции вступили в соревнование, чтобы сократить сроки выполнения производственных планов, дать стране продукцию сверх программы.

Трудящиеся всей страны с двойной поспешностью свои подарки товарищу И. В. Сталину. Это — модели технических сооружений, заводов, шахт, образцы новой продукции, иллюстрирующие достижения польских трудящихся, производящих народного творчества.

Рабочие-скульпторы ряда шахт и металлургического завода «Баторый» изваяли бюсты вождя из угля и металла. Стальники Сонония восприняли на метровой ваге из хрусталя портрет И. В. Сталина на фоне Кремля. Трудящиеся Варшавы подготовили в дар товарищу И. В. Сталину «Сибирскую столицу» — бронзовую статую «Ирким», миниатюрную действующую железнодорожную станцию и др. Коллектив первая польского автомобильного строительства в Стараховицах изобрели действующую модель грузового автомобиля, бытовые художники — гравюры и акварельные рисунки на темы из жизни и деятельности товарища Сталина...

Все многообразие своего таланта, всю любовь свою к великому вождю и учителю прогрессивного человечества вкладывают трудящиеся свободной Польши в свой творческий труд, в свои подарки в честь семидесятилетия товарища И. В. Сталина.

С. КОЖЕВНИКОВ

Разговор о счастье

Писать о величайшем деятеле нашей эпохи одновременно и легко и трудно...

Это относится и к теме настоящей статьи, касающейся только одной из сторон деятельности И. В. Сталина...

Обобщая в своем труде «О диалектике» и историческом материализме результаты столетнего развития марксистской философии...

Трудно переоценить значение этой краткой, но насыщенной глубочайшим содержанием характеристики...

Не случайно эти стилистические слова прозвучали в то время, когда в капиталистическом мире особенно распространенными и господствующими...

Внешательство товарища Сталина, разработанные под его руководством важные решения Центрального Комитета партии и советского правительства...

Буржуазия, по своему существу, была и возмущена так называемой «школой» Покровского...

Вместательство товарища Сталина, разработанные под его руководством важные решения Центрального Комитета партии и советского правительства...

При всем кажущемся разнообразии направлений и течений в современной западной историографии...

Надо рассматривать отдельные общественные явления, учит товарищ Сталин, как звенья единого процесса развития общества...

ского подхода к общественным явлениям невозможно существование и развитие науки об истории...

Товарищ Сталин неизменно выступает против схематизма и шаблонного подхода к истории. Еще в годы первой русской революции он метко охарактеризовал меньшевистские начертания...

Всяма поучительны замечания товарища Сталина о развитии военного искусства. Клаузевиц, указывал товарищ Сталин...

Видеть в истории новое, развивающееся, его рост и борьбу со старым — это значит, в первую очередь, раскрыть во всей полноте и всеобъемлющем значении производственную деятельность и освободительную борьбу трудящихся масс...

Товарищ Сталин учит нас уважать национальную культуру и прогрессивные исторические традиции всех народов — больших и малых в равной степени.

Товарищ Сталин учит нас уважать национальную культуру и прогрессивные исторические традиции всех народов — больших и малых в равной степени.

Буржуазные историки, ревностно исполняя социальный заказ господствующих классов, немало потрудились, чтобы искажать историю народных движений...

Весь еще сравнительно недавно, например, роль революции рабов в краях Римской империи не учитывалась.

уже во многом изменившихся наши прежние представления. Понятно, что оспаривание товарищ Сталин уделяет разработке истории Великой пролетарской революции в СССР...

Товарищ Сталин принадлежит классические труды по национальному вопросу. Это — настоящие книги историка. Возьмем ли мы проблему происхождения наций и их социальную природу...

Напомню только о последней, недавно опубликованной работе И. В. Сталина: «Национальный вопрос и ленинизм»...

Товарищ Сталин учит нас уважать национальную культуру и прогрессивные исторические традиции всех народов — больших и малых в равной степени.

Товарищ Сталин учит нас уважать национальную культуру и прогрессивные исторические традиции всех народов — больших и малых в равной степени.

Громадное значение имели и имеют по сей день указания товарища Сталина, Джанова и Кирова по вопросам отечественной истории, сделанные ими в 1934 г.

Блестящим образом диалектического разрешения вопроса о соотношении национального и интернационального в истории является анализ исторических корней ленинизма, данный товарищем Сталиным.

Всегда указания И. В. Сталина служили и служат могучим рычагом в развитии исторической мысли. Товарищем Сталиным дана общая схема развития производительных сил человечества.

эпохи и деятели отечественной истории, как и истории всемирной. Товарищем Сталиным раскрыты закономерности развития советского общества, его движущие силы, источники великой победы советского народа в Отечественной войне.

«...марксизм», — говорил И. В. Сталин, — на все смотрит с исторической точки зрения. Поэтому обращение к истории естественно приходит во всех сталинских трудах.

Невозможно даже кратко охарактеризовать все, что сделано И. В. Сталиным для развития советской исторической науки. Достаточно сказать, что им создана «История ВРП(б)» — великий труд, в котором обобщен опыт революционной борьбы рабочего класса России и его коммунистического авангарда...

Товарищ Сталин зовёт работников советской науки не поклоняться фетишам, не останавливаться на достигнутом, не бояться подвергнуть критическому разбору устаревшие положения и высказывания известных авторитетов.

Теория марксизма-ленинизма, творчески развитая товарищем Сталиным на основании опыта грандиозных событий и учета исторических перемен, позволяет ему не только точно понимать прошлое и настоящее, но и видеть пути будущего.

Руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперед партию по неизведанным путям русского революционного движения, — так охарактеризовал Ленина товарищ Сталин.

должает пользоваться абсолютной свободой развить плодороднейшие районы. Люди, изгнанные нуждой из этих районов, не принадлежат тебе. Всем существом каждого из них владеет одна лишь мысль — как найти работу? Все человеческое унижено в них. Унижено теми условиями, в каких они находятся, пока бредут за маячащей вдали мечтой — куском хлеба.

Две судьбы крестьянина

Недавно, перечитывая очерки Глеба Успенского «Из деревенского дневника», я вдруг подумал, что нечто похожее на то, о чем рассказывает автор, происходит и сейчас...

В двух очерках, из которых один называется «Темный» деревенский «случай», Успенский рассказывает о двух загубленных человеческих жизнях — о сошедшей с ума жене сельского лавочника, которую «лечили» кнутом, вожжами, а затем посадили на цепь...

В связи с беспричинной болезнью молодой, здоровой женщины Успенский пишет: «Великий деревенский житель в своем домашнем быту непременно испытывал и постоянно испытывал какой-нибудь необъяснимый, непонятный удар, какие-нибудь страшные психологические страдания».

Что же касается истории с Федюшкой, то здесь писатель точно указывает: «...Главное действующее лицо всей этой истории — не Федюшка и не убийцы-миряне, а нечто иное, нечто такое, что заглушает голос совести, заставляет его молчать, именно... лошади».

Иначе говоря, выходит, что лошади, то есть частная собственность, убива Федюшку, вся «вина» которого заключалась в том, что был он незаконнорожденным, сиротой, рос в обстановке полного к нему равнодушия со стороны общества и, наконец, стал вором.

собственность, убившая Федюшку, была основой всего того строя, при котором человек, в данном случае деревенский житель, «...постоянно испытывал какой-нибудь необъяснимый, непонятный удар, какие-нибудь страшные психологические страдания».

И лжившаяся раскулачка женщина, и убитый конокрад, и десятки тысяч юридических, вликуш, спившихся с круга, замерших в пути, надорвавшихся на тяжелой работе, задавленных деревом в лесу, изувеченных в драке при переделе покоса, пропавших без вести в большом городе, куда они ушли на заработки...

Доллар упомянут мною не случайно. Тот, кто прочитал документальную книгу американского писателя Кэри Мак-Вильямса «Бедствующая земля», имел возможность убедиться, что тот же «темный» деревенский «случай», уродовавший жизнь русской деревни в жестоких и варварских условиях капитализма в России, продолжает с еще большей, значительно большей силой уродовать, истязать человеческую личность и сейчас в одной из самых крупных, претендующих на цивилизованность капиталистических стран.

Увеличались масштабы, усовершенствовались, если можно так выразиться, «техника» угнетения личности, но сущность не изменилась — благополучие американского сельского жителя, достоинство его, самая жизнь, наконец, находится во власти того, что иначе, как «темный» деревенский «случай», не назовешь. Кривизна или конкуренция, эрозия почвы или истощение ее

в результате многолетнего возделывания какой-либо одной «прибыльной» культуры, множество других закономерных для капиталистического общества «случайностей» определяют судьбу тысяч и тысяч людей, лишають их земли, жилища, нормальных условий существования.

«На обширные американские просторы», — пишет Мак-Вильямс, — пала все удлиняющаяся тень. Это тень бросает армия согнанных с земли, копящих фермерских семей. С этой тенью сдвигаются движущиеся тени сезонных рабочих-мигрантов, совершающих свой привычный маршрут в поисках работы на сбору урожая».

Путь этой огромной массы людей отмечен черными жирными стрелами, исползовавшими карту Соединенных Штатов Америки, приложенную в конце книги. В каждой из стрел заключены горе и слезы, отчаяние и страх, жажда и голод мужчин, женщины, стариков и детей. Они ищут из покинутых или сельскохозяйственных городов и ферм Оклахомы, Аризоны, Техаса...

«Еще несудейко лет назад городок Гофорт в Техасе процветал... Из-за эрозии почвы земледелие в этом районе прекратилось. В настоящее время, как заявляет один из сотрудников управления по охране плодородия почвы, район Гофорта совершенно опустел; Гофорт превратился в город-призрачное с заросшими зданиями с унылыми, обветшавшими стенами, в город покосившихся домов и лакок, в место свалки ржавых машин на хлопкоочистительном заводе, крыша которого провалилась и вляет собой мрачный

намятник эрозии почвы и гибели человеческих жизней».

Как не вспомнить тут Ивана Кузьмича из очерка Глеба Успенского «Книжка чужая»:

«Прикоснется он своими капиталами к дремучему темному болоту... и глядишь — в две-три недели после появления в этом лесу Ивана Кузьмича лес иссяк, и уже больше нет этого дремучего богатыря! Разбежался зверь; с шумом, карканьем и плачем разлетелся птичий, и остались одни бревна, кое-где приживавшие зайца, славящиеся белством, поленницы дров, брусья. А скоро и это исчезнет отсюда, и останется голое, изрытое место да деньги в кармане Ивана Кузьмича, какие-то разноцветные маленькие бумажки, которые тотчас вновь идут в дело... Но какого бы рода дело это ни было, всегда что-то, очень похожее на опустошение, на истощение, на смерть чего-то, что было и чего не стало, остается по приведению этого дела к окончанию».

Преступную деятельность Ивана Кузьмича оборвала Великая Октябрьская социалистическая революция. «В истории человечества», — писал двенадцать лет спустя товарищ Сталин, — впервые появилась на свете власть, власть советов, которая доказала на деле свою готовность и свою способность оказывать трудящимся массам крестьянства систематическую и длительную и прочную и действительную помощь. И вот на земле, где после Ивана Кузьмича осталось «голое, изрытое место», шумят молодые леса; травы и хлебные злаки, разумно чередуясь, восстанавливают плодородие почвы; приближается день, когда страшные слова «сухой», «засуха» уйдут из живой народной речи и останутся лишь в наших словарях, подобно словам «конкуренция», «безработица», «кризис».

А на другом полуострове, к несчастью для американского народа, тамшний соратник Ивана Кузьмича, к слову сказать, более изощренный в своем ремесле, про-

— Ты уезжаешь в Москву?

Старый рыбак отрывая взор от маленького медного плюмпатора и восторженно смотрит на меня.

— Да, завтра или послезавтра.

— Счастливого человека!

Мы сидим в крохотной капитанской каюте: два шага в длину и шаг в ширину. На стене — барометр и градусник; на столике — морской бинокль, а в углке — портрет Сталина в массивной самодельной самшитовой рамке.

Старый рыбак — капитан колхозного сейнера, небольшого, опрятного кораблика. Ему под шестьдесят, он очень гордится своим судном и не желает его оставлять, несмотря на свои преклонные годы...

Леный декабрьский рассвет. Над индусской бухтой проливаются клубы ночного тумана и незаметно тают в воздухе, порываемые от утренней, ранней зари. Море спокойное, и так тепло вокруг, что диву даешься, перебарывая в памяти вдруг смешавшиеся календарные листки. И только радио, загорающее на колхозной пристани, разносит вестн издалика о зиме и морозах, о холодах и снегах на бескрайних северных просторах нашей Родины.

— Да, задумчиво говорит капитан, — счастливый человек.

Он снова глядит в плюмпатор, и лицо его, обветренное черноморскими ветрами, выщербленное зноем и мартовской стужей, освещается мягким, рассеянным светом, отраженным голубоватой поверхностью моря.

— Еще чего доброго, — буркнул рыбак, — ты подумаешь, что это несчастливый завидует счастливому?..

Я запротестовал.

— Это я так, на всякий случай, — сказал он, улыбаясь, — для путей ясности. Между прочим, я себя считаю очень даже счастливым.

— И я так полагаю.

— А почему?.. Я вот и спрашиваю: что такое счастье?

Мне кажется, что я знаю это и подбираю нужные для ответа слова.

— Но старик продолжает:

— Я — человек дела. Не люблю, когда много болтают. Я всю жизнь пахал и рыбак, знаю цену словам и делам. Но в какие-то часы, в какую-то минуту человек обязан посмотреть на себя как бы со стороны, поразмыслить над жизнью, мысленно оглянуться назад, осмотреться вокруг, заглянуть в будущее... Как ты считаешь?

— Я согласен.

— Верно! — Старик начинает горячиться, обнаруживая под внешностью колхозного моржа вспыльчивого горла. — Я спрашиваю: ежель тебя из трясины вытащили, вот так, запросто подали руку, помогли выбраться на хорошую дорогу и дали возможность жить по-человечьи, то счастлив ли ты или нет?

— Безусловно, счастлив.

— Послушай, при царе я прожил полвека, полвека напрасно растраченной жизни... Ежель ты прозябал в сырости, тебя окорбляли на каждом шагу и, что называется, держали в черном теле, а в один прекрасный день тебя сделали настоящим человеком, хозяином своей земли, своей страны, то я спрашиваю: счастлив ли ты или нет?

— Да, это великое счастье.

Рыбак развивает свою мысль. Он говорит страстно и убежденно. Давая пример своим советскому человеку, говорит он, заглянем любому человеку в глаза и спросим: счастлив ли ты? Ежель это узбек, окорбленный на каждом шагу и, что называется, держали в черном теле, а в один прекрасный день тебя сделали настоящим человеком, хозяином своей земли, своей страны, то я спрашиваю: счастлив ли ты или нет?

— Да, это великое счастье. Рыбак развивает свою мысль. Он говорит страстно и убежденно. Давая пример своим советскому человеку, говорит он, заглянем любому человеку в глаза и спросим: счастлив ли ты? Ежель это узбек, окорбленный на каждом шагу и, что называется, держали в черном теле, а в один прекрасный день тебя сделали настоящим человеком, хозяином своей земли, своей страны, то я спрашиваю: счастлив ли ты или нет?

— Да, это великое счастье. Рыбак развивает свою мысль. Он говорит страстно и убежденно. Давая пример своим советскому человеку, говорит он, заглянем любому человеку в глаза и спросим: счастлив ли ты? Ежель это узбек, окорбленный на каждом шагу и, что называется, держали в черном теле, а в один прекрасный день тебя сделали настоящим человеком, хозяином своей земли, своей страны, то я спрашиваю: счастлив ли ты или нет?

— Да, это великое счастье. Рыбак развивает свою мысль. Он говорит страстно и убежденно. Давая пример своим советскому человеку, говорит он, заглянем любому человеку в глаза и спросим: счастлив ли ты? Ежель это узбек, окорбленный на каждом шагу и, что называется, держали в черном теле, а в один прекрасный день тебя сделали настоящим человеком, хозяином своей земли, своей страны, то я спрашиваю: счастлив ли ты или нет?

— Да, это великое счастье. Рыбак развивает свою мысль. Он говорит страстно и убежденно. Давая пример своим советскому человеку, говорит он, заглянем любому человеку в глаза и спросим: счастлив ли ты? Ежель это узбек, окорбленный на каждом шагу и, что называется, держали в черном теле, а в один прекрасный день тебя сделали настоящим человеком, хозяином своей земли, своей страны, то я спрашиваю: счастлив ли ты или нет?

счастливи, ибо вчера еще я не умел ни писать, ни читать, а нынче у меня своя культура, свой театр, свои ученые и писатели... Ежель это грузин, армянин или азербайджанец, он скажет: да, я счастлив, ибо всеясе песни салзават наши горы, ибо поля наши тучны, богаты колхозные амбары... Волжанин гордится своим краем, украинец — своей страной, а все мы, вместе взятые, — всем Советским Союзом... Или, скажем, я. Знаешь ли ты, кем я был юнга-то?

Да, я знаю, что Николай Арзан пас чужие стада, и с малых лет пригоринял хлебал он горе, голодал и холодал. Шестерых детей похоронил он до революции. Только при советской власти выдвину он свободно по, что называется, расправил свои плечи и зажил полной жизнью...

— Да, — говорит рыбак, — и все это только благодаря советской власти и тому, куда живет в Москве...

И теперь слова старика обращены не ко мне, его собеседнику, а к тому, кто далеко отсюда, кто далеко, но все людские мысли и думы идут наперед, кто видит ясно, словно в чистом зеркале, всю народную жизнь...

— Я — маленький человек, я думаю просто и на все смотрю, как говорится, со своей колокольни...

Вырастал я трех молодцов при советской власти. В старое время они наверняка были бы ничими рыбаками... А нынче гляди: один строит дороги, инженер, значит, другой механиком на теплостанции плавает, а третий — в сельсовете председателем. Вот я и думаю: здорово все перевернулось в мире, и перевернулось в пользу нас, маленьких людей... Вот берег, скажем, как: как помотришь — и тот он, будто бы, и не тот; болот как не было, тины и удушливых паров нет и в помине; была земля дряпная, топкая, а сегодня вся в садах... Это у нас, на нашем маленьком берегу! А ты поприбуй, всю страну охвати взором, представь себе, сколько заводов построено и лесов посажено. Одним словом, это и есть то, что называется землей в цвету...

Я так понимаю: каждое полезное дело имеет душу и сердце. Значит, великое дело всего советского народа тоже имеет свою великую душу и великое сердце, и эта душа и сердце — Сталин...

Рыбак от волнения растерял воротничек и снял форменную фуражку. Он разглядел ладонями редкие волосы, лихо закрутил усы...

— Возмем, к примеру, наш колхоз... — воскликнул Арзан. — Сто рабочих семей работают дружно, сообща. А прежде?.. Вот и рыбу мы ловим не прот, а по-научному. Нам, рыбакам, помогает сосед с ученым. Ученые выслеживают доску и передают нам по радио... А вчера на правлении мы вопрос поставили очень остро: нам нужен самолет, свой, колхозный, чтобы рыбу ловить по всем правилам и все двенадцать месяцев в году, чтобы лучше видеть ее сверху и вернее угадывать ее ход... А откуда, спрашивается, у нас такие дерзкие мечты?

— Ты сказал — мечты?

— Не мечты, а планы... Мечтаем, планируем, залетаем в высокие выси... Раздался плеск воды, и легкая рябь prošлась по морскому лицу.

— Баркасы плывут, — сказал старик, поднимаясь.

Мы вышли на палубу.

К нам поднывали огромные баркасы, плавно рассекая воду, словно черные лебеди. Небо еще силнее порозовело, а с берега дохнул на нас свежий горный ветер.

А старый рыбак, перед тем как подать команду баркасам, повернулся ко мне и сказал:

— Я спрошу тебя, знаешь ли ты, что такое счастье?.. Счастье — это Сталин.

И он улыбнулся. Это была, друзья мои, улыбка счастливого.

еще следующие строки: «В итоге увеличения тракторного парка в штате Оклахома, на тех падезах, на которых раньше земля обрабатывалась четыре семьи, теперь насчитываются одна-две». Далее Мак-Вильямс цитирует статью из оклахомской газеты, в которой говорится, что вследствие увеличения тракторного парка «окажутся разоренными сотни тысяч фермерских семей, владеющих мелкими земельными наделами». «По существу», — уточняет Мак-Вильямс, — трактор олицетворяет неспособность фермера, которому нехватает свободных средств, конкурировать со своим соседом, располагающим свободными средствами».

Кто знает, не трактор ли сигнал с земли шестидесятилетнего Эдуарда Вольфа, сборника помидоров, «который по окончании сезона полевых работ, возвращаясь на родину, был на носсе насмерть задавлен автомобилем! Не из-за трактора ли, разорившего ферму его отца, потерял ногу двадцатипятилетний рабочий, во время своих скитаний по полям под поезда! Каждый год в местных газетах можно найти множество подобных, на первый взгляд незначительных сообщений», — свидетельствует писатель.

Не только слезами и потом, но и кровью орошены дороги современной Америки! Вот одна из могил на одной из таких дорог, где похоронен ства успешный родиться ребенок.

«Мать этого ребенка, некая Эстелла Торрес, ехала стоя в переполненном грузовике из Сан-Антонио (Техас). Доктор Табо, оказавший медицинскую помощь этой женщине, заявил мне, что подобные условия поездки были, несомненно, причиной преждевременного рождения ребенка и его последующей смерти».

Кто же убил ребенка? Эрозия почвы? Трактор? Или, быть может, хлопок? Да, хлопок, появление которого в па-

До чего же даль светла!

Александр ДРОЗДОВ

В нашей эпической поэзии новая удача: «Алена Фомина», повесть в стихах Александра Яшина. Облик переловой советской крестьянки нарисован в этом произведении глубоко и поэтически сильно.

Жизнь давно засвидетельствовала правду мудрых слов вождя о том, что женщина в колхозе — большая сила; что эта сила, рожденная всем ходом колхозного строительства, сумела во время Великой Отечественной войны поставить сельское хозяйство на службу победе или, как говорит Алена у Яшина, сумела «использовать даже войну, чтобы шагнуть вперед». Истинна стоит и в переловых рядах строителей послевоенной пятилетки.

Естественно, и поэты наши, год от года увереннее работающие над эпическими поэмами, и романисты, год от года все успешнее создающие романы о людях деревни, ставят себе задачей воспеть переловую женщину, сделать ее героиней литературы в той же мере, как она стала героиней сталинской эпохи. Груня из романа Б. Малея «От всего сердца», Галерея переловых женщин в романах С. Бабаевского, героиня поэм Н. Гребнева и многие другие поэтические образы близки нашему читателю. А Яшин уверенно, сильно возмужавшей рывком входит в их ряд Алену Фомину, представляющую далекого сибирского колхоза.

Что пленяет в Алене, чем она покорила читательское воображение? В ней, в этой женщине, собраны лучшие черты того нового характера, который мог сформироваться лишь в процессе движения страны к коммунизму, в условиях новых социалистических отношений в деревне. Алена — полновластная дочь нашего времени.

Вспоминается грозный июль 1941 года. И обращение Сталина к народу: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота!» Сестрами назвал Сталин женщин нашего Союза, и сестрой Сталина хочется назвать Алену Фомину, одну из бесчисленных советских женщин, оправдавших надежды вождя и в дни войны, и в дни послевоенной пятилетки.

Дорога Алены проста. Сначала Оленка, дочка-сорванец, но уступавшая мальчишкам ни в отваге, ни в предприимчивости. Потом комсомолка, руководительница лучшего звена. Оленка, по ее словам, «ведут за собой уже Аленушкой. Запустеет война, расставание с мужем. Колхоз, председатели колхоза, тоже ушел на фронт. Алена заняла его место. И вот: «В войну я всех соседей Фомина Аленой Николаевной звала».

Деятельность Алены раскрыта в повести многосторонне и поэтично. И потому, что эта деятельность показана в тесной взаимосвязи с людьми, с коллективом, потому, что она является выражением воли и усилий коллектива, моральной и политической рост Алены воспринимается как нечто естественное и закономерное.

А Яшин добился серьезного успеха в создании цельного женского характера, но, к сожалению, не в полной мере удалось предположить богатство душевных сил.

В повести есть сцена, статичная по виду. В этой сцене после деятельного дня Алена остается наедине с собой. Ночь галит в окна. На столе разложены учебник, брошюры, романы, карта фронтов, дневник, который ведет Алена. Сцена эта очень важна, и я должен прибегнуть к пространной цитате.

Кто не выдал столов в кабинетах Директоров, генералов, поэтов? — Книжные полки, Натертый пол... То — в городках, вдалеке от сел. Это ж — нигде не бывало...

Александр Яшин. «Алена Фомина». Повесть в стихах. «Новый мир» № 11, 1949.

ЮБИЛЕЙНАЯ БИБЛИОТЕЧКА УЗБЕКСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ТАШКЕНТ. (Наш корр.). Писатели Узбекистана встречают 25-летнюю юбилейную библиотеку значительными успехами. В печать сданы романы «Ветер из Золотой долины» Айбека и «Путь учителя» П. Турсулова, повести «Родные поля» С. Ахмата, «Огни коммунизма» Мирмухусина, «Победители» Ш. Рашидова и «Мы на Урале» С. Каландарова, поэмы «На большой до-

роге» А. Мухтара и «На подступах к коммунизму» Шукрулла. Эти произведения выйдут к концу декабря. Издательство «Кзыл Узбекистан» выпускает юбилейную библиотеку узбекских писателей. В 32 книжках, издающихся тиражом по 10 тысяч экземпляров на узбекском и русском языках, представлены стихи и проза, повествующие о великом во-

жестве товарища И. В. Сталине, братской дружбе советских народов, росте хозяйства, культуры и искусства Советского Узбекистана за 25 лет. В числе уже вышедших книжек — произведения Г. Гуляма, М. Шейхзаде, Мирмухусина, А. Каххара, А. Мухтара, Я. Мирза и других. В юбилейную библиотеку входят произведения восьми молодых писателей.

Вот описание одного такого лагеря, посвященное поэтическое название «Лагерь оленьей роши». «В большинстве жилищ были земляные полы, почти полностью отсутствовали стулья, лавки и какое-либо кухонное оборудование, причем во многих случаях одна постель служила 5 людям и больше. Медицинское обследование обнаружало 43 лагеря 54 случая воспаления легких, 43 случая брюшного тифа, 12 больных сифилисом, 16 душевнобольных, 13 энцефалитов, 4 случая туберкулеза, 13 случаев пеллагры и многочисленные случаи заболеваний гонореей (в том числе у 6 девочек в возрасте до 10 лет)».

Но бывает и так, что убийство совершается даже в тех случаях, когда человек жив и не похоронен никуда из своих близких, когда он настолько здоров, что выдержал каторжные лагерные условия, получил, наконец, работу. Здесь убивается само дорожное, что есть в человеке, — способность творить.

Общественно, что, когда поспел урожай, хозяин его заинтересован в том, чтобы как можно скорее закончить уборку. Сколько выдумки, изобретательности, полноты творческой мысли вкладывают советские колхозники и рабочие совхозов в свой труд в горючую пору летних полевых работ! Вспомним хотя бы Константина Борина, нынешним летом убравшего за день секом двух комбайнов «Сталинцев-6» 105 гектаров, что составляло 5 дневных работ. Вспомним запорожскую комсомолку Александру Д-Нига, которая с двумя помощниками везла в день без малого 17 тысяч снопов. Таких всевозможных известий имен можно привести сотни. И буквально тысячами, десятками, сотнями

тысяч исчисляются у нас люди, чьи трудовые успехи на уборке урожая известны покуда в одном лишь колхозе, районе, области. Каждый из этих людей, управившись как только можно скорее с уборкой, сбегает для страны огромное количество сельскохозяйственных продуктов, человеческого труда и машинной энергии, которые использованы были на других работах. И одновременно с этим каждый из них обогащает нашу страну каким-нибудь своим, пусть скромным, изобретением, богатой опыт народа.

И вот я читаю отчет по графам Ситон и Робертсон, опубликованный в книге Мак-Вильямса «Фермер-хлопковод зантерресован только в том, чтобы хлопок был собран как можно быстрее, и поэтому предпочитает работу любому числу людей. Некоторые сборщики уже вернулись с плантации и рассказывают, что на хлопковых полях работает такое множество людей, что на каждую грядку приходится по человеку. С каждым годом на долю сборщиков приходится все меньше работ».

И читаю письмо женщины, вместе с пятью своими детьми работавшей на плантации, помещенное в той же книге. «За неделю... гласит письмо... мы были заняты только два дня, и нам едва удалось заработать на пропитание».

рассчитано — и электростанция, и библиотека, и комплексное хозяйство, и даже собственный курорт с первоклассным оборудованием. Начинается упорная, планомерная, по-быстрейшая борьба Алены с Колхозом. Это, вместе с тем и главным образом, борьба за Колхоза как человека потенциально полезного, но проспавшего жизнь, несмотря на войну. Борьба эта знаменует качественную повину отношений в нашем государстве. Она демонстрирует необходимость силу нового и обреченность пережитков прошлого в сознании и поведении людей. Она за другую происходит несколько бесед между бывшим и настоящим председателями, в которых поистине жалкие претензии Колхоза не могут противостоять большевистской правде Алены.

Алена победила, победила райком партии, победила советская власть в борьбе за человека. Возвращение оставшего Колхоза в ряды переловых колхозников является тем разрешением конфликта, который показан всей логикой жизни.

Повесть заканчивается принятием пятилетнего колхозного плана, образованием в колхозе партгруппы и возвращением Петра, мужа Алены, партизанавшего в тылу врага. Произведение насыщено картинками труда, сельского быта, лирическими отступлениями, фронтными пейзажами, дневниковыми записями Алены. И все это — не лишне сюжетно несвязанные эпизоды, а части тщательно продуманного композиционного плана. Характеры изображены в произведении пластично и художественно ярко.

Стих поэта воспитан на богатствах русской народной речи. Он служит автору хорошим инструментом для передачи как лирических, так и жаргонных или описательных мест. Чувство поэтического слова позволяет Яшину гибко и непринужденно переходить от разговорной характеристики диалогов (спор Алены с Колхозым, беседа «содержательного старика» с Колхозым) к задумчивой напевности монолога Алены.

Нужно пожелать, что не всегда А. Яшин остается на высоте: сорняки речи, неуместно отобранные слова порою портят его поэтический словарь. И народность стиха тогда подменяется голыми прозаизмами.

Сама история велит К победам наш народ, И мы всей жизнью вместе с ним. Давайте же риним:

Что надо делать здесь, в селе, — А труд не мал! — Чтоб коммунизм на всей земле Скорей настал...

Эти строки совсем не в природе выразительного, простого и точного стиха А. Яшина. Следует вывернуть повесть и со стороны соразмерности глав. Она слишком громоздка, ей вредит обилие «необязательных» стихов, варьирующихся уже сказанное, что утяжеляет произведение.

В повести А. Яшина прибавить воздуха, когда уйдут из нее эти необязательные строчки и строфы, а поэтическая энергия, потраченная на них, обратится на доработку таких образов, как Маня Лыкова, как секретаря райкома Михаил или Петр Фомина, хорошо зарисованный в портрете его с Аленой и лишь мелком показанный в торжественном финале. Эти лица в повести очень нужны, как носители передовых тенденций, но обрисованы они недостаточно ярко.

Образ Алены Фоминой, одной из лучших советских женщин, к которым в тяжелую годину великий вождь обратился, как к сестрам своим, засияет еще ярче, если идея обретет полновесную художественную форму во всех частях, линиях и деталях этой живой, глубокой и по-настоящему волнующей повести.

Пятидесятилетие М. Лынькова

МИНСК. (Наш корр.). Общественность Белоруссии отметила пятидесятилетие со дня рождения М. Т. Лынькова — одного из представителей старшего поколения белорусских советских писателей. Сын железнодорожного рабочего, испытывавший на себе все тяготы подневольной жизни в царской России, Михаил Лыньков с первых же дней Октябрьской революции еще юнушкой защитил советскую власть с оружием в руках, а потом активно участвовал в строительстве новой жизни.

Начав с работы селькора в газете, М. Лыньков стал писателем, мастером художественного слова. С первых рассказов, изданных в 1927 году отдельной книгой, писатель в продолжение всей творческой деятельности активно борется своими произведениями за победу социалистического строя. Он писал широко известную среди советских читателей «Дважды белорусский народ избрал М. Лынькова депутатом Верховного Совета БССР. За свои заслуги перед Родиной и советской литературой писатель награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и Красной Звезды».

К своему пятидесятилетнему юбилею М. Лыньков закончил новый большой роман «Незабытые дни», посвященный героической борьбе белорусских партизан в годы Великой Отечественной войны.

В Минске состоялся вечер, посвященный юбилею. На вечере присутствовали члены правительства Белорусской ССР, писатели, представители общественности. С докладом о творчестве М. Лынькова выступил критик В. Агнiewicz.

На имя юбилея поступило много приветствий, в том числе от правительства Белорусской ССР, от Союза советских писателей СССР, от Всесоюзного комитета и других организаций. В ответном слове М. Лыньков выразил горячую благодарность партии большевиков и вождю народов товарищу Сталину за неустанный заботу о развитии многонациональной советской литературы.

Встреча с заводскими поэтами

Поэты старшего рабочего литературного объединения «Вальцовка» (при заводе «Серп и молот»), отметившего недавно 20 лет своего существования, побывали на днях в гостях у московских писателей. Встречу в Центральном доме литераторов открыл Б. Горбатов, приветствовавший от имени собравшихся молодых поэтов металлургического завода.

Редатор заводской газеты «Мартеновка» М. Тесленко и руководитель «Вальцовки» поэт А. Филатов, бывший рабочий «Серпа и молота», рассказали об истории возникновения их литературного объединения, к которому в свое время привлек живой интерес великий друг и учитель советской литературы А. М. Горький; они говорили об успехе и работе членов «Вальцовки», черпающих свои сюжеты и темы из жизни родного завода, о большой творческой помощи, которую оказывали и оказывают рабочим литераторам писатели.

Заводские поэты Г. Лушин, А. Никифоров, В. Смирнов, К. Чирков, А. Филатов и другие выступили в конце вечера с чтением своих произведений.

Литературная хроника

◆ Ленинград. При отделе ССР организованное объединение молодых драматургов. Его членами являются начинающие писатели: инженеры, рабочие, служащие, учащиеся высших учебных заведений. На собраниях объединения обсуждаются две новые пьесы молодых драматургов.

◆ Петрозаводск. Состоялось расширенное заседание правления Союза советских писателей Карело-Финской ССР с литературным активом республики. Обсуждались меры улучшения работы редакции журнала «На рубеже». С большим удовлетворением было принято сообщение о решении секретариата ССР Союза ССР провести в Петрозаводске в феврале 1950 г. конференцию писателей северных областей и республик.

◆ Саратов. Городское собрание писателей обсудило тематический план областного государственного издательства на 1950 год. В будущем году выпуск книг увеличится на 30 процентов. Алмашан «Литературный Саратов» намечено выпустить три раза в год.

◆ Сталинабад. Составлялась конференция молодых поэтов и прозаиков республики, организованная ССР Таджикистана. Участники конференции прослушали доклады и лекции по истории и теории литературы, драматургии. Был сделан обзор таджикской советской литературы за 1949 год.

вие чего почтенная влага истощалась и плодородный слой почвы уменьшался, пока глыбы его не сократились с 2,5—3 м до 50—85 см. Вследствие непрерывной выработки одного только лука появились грядки и насаждения-вредители. Почва истощалась также из-за выветривания и перерождения «исподпольного слоя». Неизвестно, повторно, имена людей, над которыми творило, которых надругались короли лукового бизнеса, и я привел этот варварский случай лишь для того, чтобы подчеркнуть всю глубину счастья, каким обладает советский человек, ду хотя бы старший агроном Таловской ГТС, Воронежской области, Илья Ювич Григорьев, который, показывая мне напущенным летом оканчиваемыми модами лесопосадки поля, сказал, простерши руку в сторону огромной котловины:

— Здесь будет море! Агроном всего лишь выразил то, что запечатлено было колхозниками окрестных колхозов, теми самыми крестьянами, которые жили в настоящем страхе перед «темными» деревенскими «случаями» — засухой, голодом, наездом скота, кулацкой кабалой. От этой страшной власти советский крестьянин навсегда освобожден колхозным строем, созданным по инициативе и под руководством товарища Сталина.

Возле Сталиным партия большевиков помогла мелкому, отсталому индивидуальному крестьянскому хозяйству перейти на рельсы крупного общественного социалистического хозяйства. В ходе этого процесса, на памяти всего лишь одного поколения, вырос крестьянин нового типа, настоящий хозяин своей судьбы — колхозник.

Всем, что есть у него и что будет, врет новый крестьянин обязан великому другу и учителю своему, творцу колхозного строя — Сталину.

Патриотическая музыка

М. КОВАЛЬ

В историческом восстановлении НК ВКП(б) об одере «Великая дружба» В. Мурадели партии осудила формалистическое, антинародное направление в советской музыке. Она призвала композиторов проникнуться сознанием высоких запросов, которые предъявляет народ к музыкальному творчеству, создавать полноценные, высокохудожественные реалистические произведения.

Закончивший недавно в Москве третий пленум правления Союза советских композиторов показал, что во времена постановления НК ВКП(б) в развитии советской музыки произошел решающий перелом. Советские композиторы продемонстрировали значительные успехи на пути социалистического реализма, обратились к идеям и образам советской действительности. Современная тема в произведениях 1949 года заняла ведущее положение, открылись во всех малых и крупных жанрах музыкального искусства. Искренность и актуальность идейных замыслов многих произведений тесно связаны с их реалистическим музыкальным языком, основанным на народности и классических традициях. Растет боковой приток молодых, талантливых композиторов, вливающих в советскую музыку.

Характер большинства новых произведений советской музыки определен патриотическая тема. В своих произведениях композиторы воспевают нашу прекрасную Родину, великие победы советского народа, стремятся воссоздать светлый образ генерала, учителя и полководца — товарища Сталина.

Особенно ярко тема патриотизма произведена в произведениях ораториально-кантатного жанра. Этот жанр дал большие возможности раскрыть советскую действительность могучими средствами хора, певцов и оркестра, в гармоническом соединении текста и музыки.

Ораториально-кантатное творчество получило в 1949 году необыкновенно широкое развитие. Поэтому в настоящей статье мы и остановимся исключительно на произведениях этого жанра.

Значительный вклад в патриотический жанр внесла в основном оратория Д. Шостаковича «Песнь о десах». Композитор стремился раскрыть во воплощении в жизни великого сталинского плана преобразования природы и социальное выдающееся произведение. Обратившись к актуальной теме современности, он сумел найти новое, правдивое и поэтическое ее выражение. Д. Шостакович решительно порвал с арсеналом средств, к которым он прибегал в своих формалистических симфониях. В народности, легкой мелодии, в интонациях современных песен, в следовании заветам русских классиков Д. Шостакович обрел поистине силу творчества, открыл для себя необходимые просторы и возможности на пути социалистического реализма.

Еще не во всех частях оратории Шостакович занял во весь рост. В шестом эпизоде «Затрапаша прогудала» композитор сбивается на абстрактный лиризм и уходит от народных русских интонаций. Но в целом оратория «Песнь о десах» — замечательный ответ советского художника на большевистскую критику. Генеральные идеи великого вождя И. В. Сталина вдохновили композитора, и благодаря его таланту, таланту учителя и другу народов выливается в пламенный гимн по своей яркости и силе торжественный, оптимистический апофеоз оратории.

Деревья стоят величаво, Возле русских торжественных рек, Ленинская партия — сильна, Слова народа волею, Сталину мудрому слава, слава!

Страстным гимном во имя счастья Родины звучит вокально-симфоническая поэма Е. Жуконского «Славься, отчина моя!» Чудесный украинский колорит, мелодия, идущие от сердца, непринужденность творческой мысли, великолепное соединение подлинного симфонизма с яркой несенностью волевого и увлекательного слушателя. Композитор необыкновенно одарен, его богатая творческая фантазия и бурный темперамент льются через край. Поэма «Славься, отчина моя!» выигрывает еще больше, если автор сумеет избежать длинноты в несложно затанцованной заключительной части поэмы.

Смелой и интересной оказалась вторая часть хоровой симфонии Г. Попова «Слава отчизне». Симфония находит слушателя красочной мелодией и богатством хорового звучания. Г. Попов показал, что он преодолевает формалистические ошибки и направляет свое творчество по реалистическому пути.

Обращение советских композиторов к программной музыке ярко проявилось в кантатах И. Крюкова и В. Дехтерева.

Кантата-былина «Земля Сибирская» И. Крюкова, основанная на музыкальном материале одноименного кинофильма, отличается четкой программой и ясностью поставленной цели. Композитор по победил простоты музыкальных средств, но и не впадал в упрощенчество. Вышедшие им в партитуре старые народные и современные песни органически связаны с основной музыкальной канвой произведения и помогают раскрыть тему. И. Крюков ни на шаг не отступает от русской песенности и характерности русских музыкальных образов.

Редкий экземпляр «Слова о полку Игореве»

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В будущем году исполняется полтора столетия со дня выхода в свет первого издания «Слова о полку Игореве». В связи с этим большой интерес представляют переданные Пушкинскому дому Академии наук СССР свыше 3.000 книг из библиотеки известного историка древнерусской литературы академика А. Орлова. В этом собрании много исследований по отечественному фольклору, памятникам древнерусской письменности, старинной славянской литературе.

Особенно богато представлено «Слово о полку Игореве», начиная от первых его изданий и кончая последними, вышедшими в последние годы в СССР и славянских странах. Библиографической редкостью является хорошо сохранившийся до наших дней экземпляр первоиздания 1800 года в кожаном переплете с золотым тиснением. На титульном листе его полное название:

В кантате есть и недостатки. Если автор хорошо справился с партией солиста, то хоровая часть кантаты очень бедна, в оркестре нет еще подлинного симфонизма и монолитности.

Большими достоинствами обладает кантата В. Дехтерева «Русская земля». Композитор уходит в своем творчестве из лучших традиций русской классики. Инструментовка работна и благородна, выраженому звучат хоры. «Русская земля» — произведение глубоко эмоциональное. В четвертой части, где тема о великом вожде И. В. Сталине соединяется с темой о прекрасной столице Москве, кантата звучит, как символ победы и торжества страны социализма.

Ярко, целеустремленное и политически острое произведение депрессивного композитора А. Маненца — кантата «За мир» показывает, как действительно откликнулись наши композиторы на самые важные вопросы своего времени. В музыке этой кантаты удачно соединены революционная несенность и элементами музыкальной декламационности. Лично-эпические выступления рисуют картину мирной, созидательной жизни советского народа.

Высозданная, широко напевная мелодия выражает протест против черных замыслов поджигателей новой войны.

Последние две части музыки кантаты замечательны. С огромным подъемом проходит торжественный гимн в честь великой страны социализма и хоровой финал — обращение ко всем народам мира. Яркие музыкальные моменты звучат мощным музыкальным призывом. Несомненно, влияние героической музыки русских композиторов и музыки Бетховена помогает полноценно творческому замыслу композитора.

Составной колхозной жизни посвящена кантата «Сады цветов» композитор В. Сорокин. «Сады цветов» — мелодичное и доходчивое произведение. Автор много работал в жанре лирической массовой песни и создал кантату, идущую от несенных интонаций и распространяющих музыкальных форм ансамблевой песни и баллады. Эти формы в кантате обогащены более развернутой хоровой фактурой и оркестровыми симфоническими средствами. В исполнении, по всем музыкальным материалам кантаты различны. Парой автору изменяет вкус; иногда мелодия принимает банальный характер и значительно снижается художественный уровень этого интересного произведения.

На пленуме впервые выступил со своим крупным произведением молодой композитор Е. Сметанкин. Его кантата «Родные поля» убеждает в больших способностях композитора. Растет тяготение автора к широкой русской песенности, к ясной и естественной ораториальной звучности. По некоторым оценочным формам, отсутствие необходимых контрастов иногда лишает кантату убедительности. Хочется пожелать молодому автору, чтобы он, овладев композиторским мастерством, и в дальнейшем не сходил с верной дороги русской реалистической музыки.

Талантливым мастером хорового письма показал себя молодой азербайджанский композитор Д. Джангиров — автор симфонической поэмы «По ту сторону Аракса». Это глубоко народное произведение, одухотворенное высшей идеей, построено на мотивах азербайджанских песен. Яркими средствами хора и оркестра показана в нем волнующая картина страданий закабаленного народа Иранского Азербайджана, его борьбы за свободу, за независимое, светлое будущее.

По молодому композитору нужно преодолеть недостатки своего творчества. В его оркестре есть тяжеловесность, излишние шум, композитор мало использует музыкальные контрасты. Хоровая часть поэмы гораздо убедительнее оркестровой, в ней автор более смел и изобретателен.

Монументальная оратория грузинского композитора Ш. Минделадзе — «Багвакавин» посвящена героям обороны Кавказа от вражеских фашистских полчищ. Большое симфоническое дыхание и высокий темперамент характеризуют музыку оратории. Композитору нужно любоваться мелкими деталями, его внимание привлекают широкие обобщения. Подлинная музыка оратории исходит из прочных связей с народной грузинской песенностью. Однако серьезным недостатком и этому произведению является заметная перегрузка звучности, утомляющий шум, жесткие гармонии и статичность отдельных эпизодов, что затрудняет восприятие оратории.

В произведениях кантатно-ораториального жанра проявились лучшие черты реалистического музыкального стиля: напевность, мелодичность, широкое использование народных несенных интонаций. Энергичная работа композиторов над ораториями, кантатами, хорами, несомненно, означает предостойный расцвет советского оперного искусства — самого сложного и высокого жанра в музыке.

Успехи советской музыки в области кантаты и оратории рождает уверенность в том, что наши композиторы создадут новые замечательные произведения, прославляющие героические дела советского народа, воспевающие гениального творца, вдохновителя и организатора всех наших побед — великого Сталина.

«Игоревская песня о походе на половец Удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в начале XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие».

Это издание было подготовлено А. И. Мусиным-Пушкиным и отпечатано в Сенатской типографии, в Москве. Во время пожара 1812 г. вошло почти все тираж книги вместе с подлинной рукописью, ввиду чего это издание при изучении «Слова о полку Игореве» приобрело значение первоисточника. Один из немногих сохранившихся экземпляров тиража 1800 года и поступил сейчас в библиотеку Пушкинского дома.

Встречи с китайским народом

Нерушимая дружба

Харбин. Мукден. Тяньцзинь. Пекин. Нанкин. Цзинань. Шанхай. Во всех этих городах Китая побывала делегация деятелей советской культуры.

Мы приняли участие в работе Всекитайского конгресса сторонников мира и Учредительного собрания Всекитайского общества китайско-советской дружбы. Во всех городах в честь приезда советских делегатов проводились митинги. Почти 700 тысяч человек присутствовало на этих массовых митингах, на собраниях и беседах, где выступали с приветствиями от советского народа члены делегации.

«Наша дружба нерушима, и она закреплена навеки!» — этими словами встречали и провожали нас всюду. Нам не забыть никогда аплодисментов на многотысячных собраниях, сияния улыбок, восторженной радости горящих глаз, горланого эвонга «Чжу су ю хао вань суй!» — «Да здравствует советско-китайская дружба!»

Незабываемы встречи с китайскими друзьями.

Конгресс сторонников мира. Проезжаем мимо победных красных стен, окружающих территорию бывшего императорского дворца. Это район «Чен ней» («внутренний город»). Пекина. Везем в замкнутый глухими стенами дворик. Минимум входные, с раздвижными дверями, ворота. Второй внутренний дворик. Почетный салют военного караула. Приветное приглашение расписаться тушью на большом листе, где уже иероглифами запечатлены имена делегатов конгресса.

Пересекая двор, подходим к распахнутым дверям одного из зданий бывшего императорского дворца. Здесь, в этом зале, несколько дней назад происходила сессия Народной политической консультативной конференции Китая. Здесь было утверждено первое правительство вновь созданной Китайской Народной республики. Здесь была принята программа внутренней и внешней политики нового свободного Китая, программа диктатуры народной демократии, единого фронта всех демократических сил страны.

Наше появление в зале сразу же вызывает оживленное движение. Делегаты стоят приветствуют посланцев Советского Союза.

Красивый, китайской архитектуры зал. Красные колонны подпирают сводчатый потолок. Узкой яркой росписью с тонкими золотыми прожилками украшены поперечные перекрытия, соединяющие колонны. Лозунги на красных, синих и желтых полотнищах. Сцену украшает большая голубь, нарисованная на полотне, — символ мира.

Конгресс начинает работу. После первых выступлений слово предоставляется главному руководителю Народно-освободительной армии Чжу Дэ. Он говорит спокойно и просто. Переводчики шопотом, нагибаясь то к одному, то к другому из нас, переводят речь.

Но вот мы не успеваем расслышать перевода. Что сказал Чжу Дэ? Нет, переводчики уже не надо. Слова его переведены самим залом, и смысл их уже ясен: Советский Союз признал свободный Китай.

Участники конгресса окружают советских делегатов. Нас обнимают, жмут руки. Но сухому морщинистому лицу участницы Кантонской коммуны старой революционерки текут слезы. Поочередно обходят всех посланцев Советской страны, пожимая руки, вдова Сун Ят-сена Сун Цин-лин. Новые и новые делегаты обнимают и целуют нас, и снова, сменяя одно другое, смотрят на каждого из нас все новые лица, горящие признательностью, любовью, которые потрясают душу великой гордостью за нашу могучую и благородную Родину, за нашу дружбу с вновь рожденной многомиллионной Китайской Народной республикой, за нашего великого Сталина.

Чжу Дэ стоит на трибуне и не может продолжать свою речь, а из зала все несется горячие слова:

«Да здравствует великий Советский Союз!»

«Да здравствует советско-китайская дружба!»

«Да здравствует лучший друг китайского народа великий Сталин!»

Через несколько дней в том же зале — Учредительное собрание Всекитайского общества китайско-советской дружбы. На сцене портреты Ленина, Сталина, Сун Ят-сена, Мао Цзе-дуна. Справа и слева государственные флаги СССР и Китайской Народной республики.

— Мы ценим и дорожим дружбой и сотрудничеством китайского и советского народов, — говорит в своем докладе секретарь Центрального Комитета китайской коммунистической партии Лю Шао-ци. — Наша китайская народная революция смогла одержать свою теперешнюю победу только потому, что мы учились у Советского Союза. Мы должны считать Советский Союз нашим учителем и в предстоящем нам государственном строительстве. Только Советский Союз — бескорыстный и искренний друг китайского народа. Мы никогда не забудем глубокую дружбу, проявленную Советским Союзом. Теперь не существует в мире силы, которая могла бы воспрепятствовать китайскому народу крепить дружбу с народами Советского Союза!

Бескорыстна эта дружба. И трогает и поражает строителей нового Китая внимание и забота советских людей.

Весь зал слушает эти простые и правдивые слова с глубоким вниманием. «Мы намерены создать многомиллионное массовое общество китайско-советской дружбы».

Продолжение. Начало см. «Литературную газету» № 97 от 3 декабря.

бы. И мы такое общество создадим», — кончает свою речь Лю Шао-ци.

Так и было. В дни пребывания в Китае мы видели, как сотни и тысячи людей вступали в это общество: в Пекине — 125 тысяч, в Мукдене — 100 тысяч, в Харбине — 80 тысяч человек.

Расскажу о митинге трех университетов в Пекине. Собрался этот митинг за городом, на территории университета Цин-Хуа. Уже издали, проходя через огромную площадь университетского двора, по дорожкам, обсаженным деревьями, мимо больших корпусов, слышим веселый ропот голосов. Приближаемся. Ропот переходит в овацию, которая вспыхивает новым приливом аплодисментов, когда советская делегация выходит на трибуну — высокий балкон одного из университетских зданий.

Общий вид митинга — громадная площадь, окаймленная по квадрату ивами. В этот квадрат вписан второй, живой квадрат 15-тысячной массы студентов. Юноши и девушки расположились на земле, поджав под себя ноги. Квадрат разделен на правильные прямоугольники с широкими и узкими проходами. Это отделены друг от друга университеты, колледжи и факультеты.

Особо выделяется прямоугольник Революционного университета. На его студентах форма — простые серо-синие костюмы из хлопчатобумажной ткани, одинаковые у юношей и девушек; из той же ткани — одинаковые кепочки на головах; на ногах простые матерчатые туфли.

Возвращается тишина. Поднимаются с земли участники митинга. И сердца наши взволнованно бьются, когда 15 тысяч голосов горячо и стройно поют Гимн Советского Союза.

И затем все в той же торжественной тишине звучит Гимн Китайской Народной республики, бывший ранее гимном партизанской народной армии.

Речи. Сначала ректора университета, затем советских делегатов. Высокая дисциплина и горячая реакция аудитории, особенно горячая, когда советской делегации вручают подарки. Тут портрет Мао Цзе-дуна, прекрасно исполненный масляными красками, тут научные труды университета, тут и студенческие работы, и вышитые знамена, и книги, и свитки с написанными на них словами приветствия.

И когда объявляют, какой факультет принес подарки, поднимается с земли один из прямоугольников огромной площади и вылетает вверх серые кепки и соломенные островерхие шляпы. И несется в небо вместе с коллективными лозунгами все то же ликующее «вань суй!»

Кончается митинг. К микрофону подходит советский артист. Он запевает Гимн демократической молодежи:

Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живем.
В эти грозные годы
Мы за счастье бороться идем!

Точно сговорившись, поднимается с земли многотысячная толпа. Микрофон могуче разносит голос нева, и припев подхватывают тысячи:

Песню дружбы запевают молодежь,
Молодежь, молодежь,
Эту песню не задумишь, не убьешь!
Не убьешь, не убьешь.

И еще поют не только студенты, но и старики-профессора, не зная слов, но стараясь включить свой голос в призывную песню, торжественно выражающую крепость интернациональной демократической солидарности.

Митинг частей Народно-освободительной армии в Шанхае. Тринадцать тысяч бойцов и командиров третьей полевой армии расположились на огромном стадионе.

На трибуне советский делегат. Его слова посвящены армии народного Китая, которая, побеждая силы реакции и американской интервенции, не только добилась победы, но и внесла свой вклад в дело борьбы за мир.

Мы глядим в эту многолюдную аудиторию, на обветренные суровые и ласковые лица. Это они на сотнях тысяч утлых джонков форсировали реку Янцзы шириной в четыре километра. Это они принимали участие в знаменитой битве под Суйчжоу, где командование осуществлено знаменитый котел, в котором были уничтожены более 600 тысяч чанкайских банитов и взят в плен главнокомандующий Суй-чжоуского штаба. Невзвезда на голод, поход и усталость, стойко сражались они в течение 65 дней и одержали важную победу на Южном фронте. Это они взяли бывшую столицу — Нанкин, взяли Шанхай — крупнейший порт, твердо англо-американского империализма. Иные они одиозно относятся к вооруженным силам победившего народа.

Наступает неожиданный для нас, особенно торжественный момент митинга. Командующий армией называет героев, отличившихся в боях, каждому из них он дает короткую характеристику. Затем герои поднимаются на сцену и под горячие приветствия всех присутствующих прикрепляют к груди каждого из советских делегатов боевые значки.

Еще один митинг. Сорокатысячный митинг в Цзинани, столице провинции Шаньдун, по размерам и по количеству населения почти равной Франции. Как и повсюду, где пришлось нам побывать, — высокая организованность и праздничный политический подъем.

Особая радость, когда на сцену приносит подарки великому другу китайского народа — товарищу Сталину. Среди них: шар узорной резьбы из слоновой кости на изысканной подставке, шар, внутри которого, соответственно уменьшающиеся в размере, врезаны один в другой еще одиннадцать шаров. Тонкая и точная работа. Как нам говорят, три поколения одной семьи вкладывали свой труд в это изумительное произведение искусства, которое сейчас китайский народ приносит в дар великому Сталину.

Митинг подходит к концу. Уже маленькие ребятишки из детского сада в костюмчиках, напоминающих одежду рабочих, с переклеивающимися бумажными фартушками преподносят нам букеты.

И вдруг переводчик подает советским делегатам записку, перевода с некоторым смущением ее содержание:

«Товарищи, мы вас так долго ждали. Мы так хотели вас видеть. Но мы далеко сидим и плохо вас видим. Мы очень просим вас прийти к нам, чтобы мы смогли вас увидеть!»

Смотрим, улыбаясь, друг на друга, оглядываем 40-тысячную площадь.

— Итти? Ну, конечно, итти!

Сговариваемся с организаторами митинга. Они решают — пусть вперед пойдет оркестр.

Спускаемся. Оркестр возглавляет это неожиданное шествие. И вот мы идем сквозь растущую толпу. Сначала образуется широкий коридор.

Мы идем, отвечая на приветствия, поднимая букеты цветов, пожимая протянутые руки. Живой коридор все суживается и суживается. Сплошная стена сияющих лиц, сверкающих улыбок.

Навстречу нам тянутся сотни рук. И кажется, что иель сквозь строй серых, горящих великой и неподдельной любовью к посланному тебе многомиллионному великому и мудрому народу, любовью к нашей советской социалистической Родине — свету мира и счастья народов, любовью к великому и мудрому вождю всего трудового человечества — родному товарищу Сталину.

Тремь возгласы:

«Передайте спасибо товарищу Сталину!»

«Сталин — наш великий и лучший друг!»

«Да здравствует нерушимая, вечная дружба китайского и советского народов!»

Адрес редакции и издательства: 2-й Обводный пер., 14 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — Г 6-47-41, Г 6-31-40, отделе: литературы и искусства — Г 6-43-29, Г 6-47-20, международной жизни — Г 6-43-62, науки — Г 6-39-20, информации — Г 6-44-82, отдела писем — Г 6-38-60, издательство — К 0-36-84, Г 6-45-45.

Маршаллизация классиков

Престарелый английский писатель Сомерсет Моэм, автор многих пошловатых романов и пьес, он же агент британской разведки, в последние годы решительно обесмертвил свое имя. Он выдал десять широко известных произведений классической литературы XIX века (в том числе «Войну и мир» Льва Толстого, «Мадам Бовари» Флобера, «Давид Копперфильд» Диккенса, «Отен Горно» Бальзака, «Красное и черное» Стендаля, «Братья Карамазовы» Достоевского) и обещал американским издателем удалять из этих романов «все лишности и утомительные места», «ускорить их внутренний темп» и представить их как классические романы в «обновленном» и «звучащем» виде.

Уродование классических произведений — обычное занятие бульварных издателей Америки. Ремесленники пера, потерявшие совесть и стыд, естественно, выполняли свою черную работу анонимно. Для так называемых «омнибуков» (карманных альманахов) они сократили «Лон-Кихота» до 25 страниц, «Войну и мир» до 30 страниц, «Божественную комедию» до 15 страниц и т. д., чуть-чуть сохраняя основные контуры их сюжетов. Все, что определяло национальное своеобразие и художественную силу того или иного замечательного произведения, испарялось в подобных «омнибуках».

Отчаясь как приспособляемость разведчика, так и проницательность космополита, Сомерсет Моэм решил все это дело поставить на более широкую ногу. Он ушел, что открыто беззастенчиво обращение с европейскими ценностями вполне соответствует духу «плана Маршалла» и правам американской буржуазии. Своим «вторжением со взломом» в литературный Пантеон европейских народов Моэм решил совершить не тайком, но анонимно, но всерьез афишируя свое предприятие. Прежде всего он объявил, что будет не только исправлять классиков, но и своеобразно «унифицировать» их, снабжая каждый роман своим предисловием, в котором «раскрывает наиболее потрясающие интимные детали жизни» выбранного им классика. Трудно сказать, насколько потрясло это предложение отнюдь не привыкших смущаться американских издателей. Во всяком случае, оно вызвало у них соответствующий коммерческий энтузиазм.

И вот уже в 1949 г. в Соединенных Штатах Америки выходит нарядно изданные книги, на титульных листах которых имя пошлака Моэма поочередно красуется рядом с именами Толстого и Диккенса, Бальзака и Флобера.

Перед нами книга, на обложке которой по установленному стандарту напечатано: «Сомерсет Моэм знакомит публику с «Мадам Бовари» Густава Флобера». Стоимость книги 3 доллара 50 центов. Причем издатель, сообщая, что «Мадам Бовари» в обычном виде (т. е. без исправлений Моэма и без его предисловия) можно приобрести вдвое дешевле, за 1 доллар 25 центов, подчеркивает, что сенсационное сотрудничество Моэма, на их взгляд, вполне заслуживает более чем сторицейной надбавки. Здесь приобритается в моем собственном экземпляре классическая повесть французского писателя, американский издатель не только «облегченно» и «ускоренно» ознакомит с печальной (а по Моэму — приятной) жизнью Бовари, но и добавит к ней возможность наслаждаться сплетнями об интимной жизни знаменитого создателя ее образа.

Из писем Флобера мы знаем, что, работая над «Мадам Бовари», он, бывало, летал как с остервенением переписывал одну страницу, беспощадно вычеркивая тысячи строк, чтобы добиться одного незаменимого образа, одного точного и удачного эпитета. Мы знаем, что, изобразив отравление своей героини, он настолько переболелся в ее образ, что несколько дней подряд чувствовал вкус мышьяка во рту. Но вот сегодня, цинично повиснув, ворвался в этот роман литературный космополит, не долго думая, спрессовал его абзацы и отдельные фразы (чтобы ускорить их темп). А затем он перешел к «Давиду Копперфильду» Диккенса, к «Красному и черному» Стендаля и, причислав их на американский лад, с неизменной развязностью кафе-шантанаго конференсье представил публике «обработанных классиков».

Мы подробно коснулись этого самоповейшего, весьма обширного коммерческого предприятия Моэма потому, что именно оно чрезвычайно типично для всего омерзительного материализированного вализма, многочисленные примеры которого повсюду демонстрируют в своей литературной практике буржуазные космополиты.

Еще в сороковых годах прошлого века американский антрепренер странствующих цирков и зверинцев Барнум пытался купить дом Шекспира в Стратфорде, намереваясь перевести его в Америку. «Пусть родной Шекспир станет то место, где за него заплатят больше денег», — так рассуждал азартный цирковой антрепренер. Только вмешательство известного английского писателя Теккерея не позволило американскому дельцу приторговать дом национального гения Великобритании.

Современные барнумы уже не нуждаются в том, чтобы вывозить дом Шекспира из Англии. Ведь они расположились рассматривать ее, как свой 49-й штат. Сегодня американские предприниматели так же, как буржуазные дельцы в Англии, зачастую совместно торгуют Шекспиром, всерьез пытаясь осквернить память о нем, всевозможными приемами выходящая из его наследия как раз то, что составляет национальную гордость английского народа.

В 1948 г. на книжных прилавках Соединенных Штатов Америки появились вышедшие в Лондоне исследование некоего Эрика Парtridge, озаглавленное «Непристойности в произведениях Шекспира...» Похабные упражнения несусветного пошлака над шекспировским творчеством не только не вызвали насмешек, возмущения или удивления в английской и американской буржуазной прессе, но, напротив, были восприняты как нечто закономерное.

В Америке и в других странах буржуазного Запада немало литературоведов, подобных Парtridge. В своих трудах они исследуют все то, что он, Шекспир, сделал для постижения таких «вненациональных категорий», как «физическая сторона половой любви», и тщательно изучают те места шекспировских пьес, где он уделяет внимание четвертому животному, а также пернатим и земноводным... С предельным цинизмом некая Сильвия Редлей заявила со страниц журнала британской ассоциации издателей: «Нельзя всякой книге — будь то Шекспир или Софокл, — та же, что у футбольного матча или у собачьих бегах». И добавила: «Ведь любая книга пишется для того, чтобы доставить развлечение».

Но не только для потехи, но только для того, чтобы потрахить вкус отсталого обывателя, переделывают, перецеливают и оглушают классиков продажные перья американского империализма. Неправильно трактовать этот вопрос в анекдотическом плане. Как ни поразительно невежественны в вопросах искусства американские дельцы, мы не должны забывать об основном, о том, что это — не вежество в агрессивном, преследующем в своей повседневной политической практике сознательные и гнусные реакционные цели.

Не будем ни на минуту забывать, что их духовное убожество все более и более нагло предъявляет претензии на мировое господство. И не от легкомыслия, а со злым умыслом американские воротилы сегодня так поощряют уродование и извращение классических произведений. Умысел этих личностей искусства заключается в том, чтобы, с одной стороны, использовать для бизнеса популярное имя классика, а с другой стороны, преподнести под прикритием большого и славного имени фальсифицированное в угоду капиталистической реакции классическое произведение.

Враги народа, поборники мракобесия крайне нуждаются в фальсификаторах истории и в фальсификаторах литературы и искусства. Подлинные голоса переловых представителей европейской классической литературы страны и опасны современным рабавладельцам с Уолл-стрит. Покупаясь на независимость западноевропейских народов, они хотели бы отнять у них не только свободу, — не только их будущее, но и прошлое, оплевав их славы, бессмертные традиции.

За последние годы народы Западной Европы узнали на практике, что такое маршаллизация. Это слово стало бранным словом в устах каждого честного европейца. «План Маршалла» не только провалился, но предельно разоблачил себя и тех, кто его затеял. Оказалось, что можно маршаллизировать несколько проложных буржуазных правительств, кучку политических и литературных трупов, но нельзя маршаллизировать народы, ослабить их боевой патристический дух, нельзя маршаллизировать их родную литературу.

Вот почему сразу же разоблачают себя и бессильные, мерзопакостные попытки всяческих космополитических лад. Эти попытки ливий раз наглядно демонстрируют, что представляет собой космополитизм: отравленное идеологическое оружие, которое американские аггрессоры фабрикуют на экспорт вместе с ячтым порошком, жевательной резиной и бомбардировщиками.

Еще в сороковых годах прошлого века американский антрепренер странствующих цирков и зверинцев Барнум пытался купить дом Шекспира в Стратфорде, намереваясь перевести его в Америку. «Пусть родной Шекспир станет то место, где за него заплатят больше денег», — так рассуждал азартный цирковой антрепренер. Только вмешательство известного английского писателя Теккерея не позволило американскому дельцу приторговать дом национального гения Великобритании.

Современные барнумы уже не нуждаются в том, чтобы вывозить дом Шекспира из Англии. Ведь они расположились рассматривать ее, как свой 49-й штат. Сегодня американские предприниматели так же, как буржуазные дельцы в Англии, зачастую совместно торгуют Шекспиром, всерьез пытаясь осквернить память о нем, всевозможными приемами выходящая из его наследия как раз то, что составляет национальную гордость английского народа.

В 1948 г. на книжных прилавках Соединенных Штатов Америки появились вышедшие в Лондоне исследование некоего Эрика Парtridge, озаглавленное «Непристойности в произведениях Шекспира...» Похабные упражнения несусветного пошлака над шекспировским творчеством не только не вызвали насмешек, возмущения или удивления в английской и американской буржуазной прессе, но, напротив, были восприняты как нечто закономерное.

В Америке и в других странах буржуазного Запада немало литературоведов, подобных Парtridge. В своих трудах они исследуют все то, что он, Шекспир, сделал для постижения таких «вненациональных категорий», как «физическая сторона половой любви», и тщательно изучают те места шекспировских пьес, где он уделяет внимание четвертому животному, а также пернатим и земноводным... С предельным цинизмом некая Сильвия Редлей заявила со страниц журнала британской ассоциации издателей: «Нельзя всякой книге — будь то Шекспир или Софокл, — та же, что у футбольного матча или у собачьих бегах». И добавила: «Ведь любая книга пишется для того, чтобы доставить развлечение».

Но не только для потехи, но только для того, чтобы потрахить вкус отсталого обывателя, переделывают, перецеливают и оглушают классиков продажные перья американского империализма. Неправильно трактовать этот вопрос в анекдотическом плане. Как ни поразительно невежественны в вопросах искусства американские дельцы, мы не должны забывать об основном, о том, что это — не вежество в агрессивном, преследующем в своей повседневной политической практике сознательные и гнусные реакционные цели.

Не будем ни на минуту забывать, что их духовное убожество все более и более нагло предъявляет претензии на мировое господство. И не от легкомыслия, а со злым умыслом американские воротилы сегодня так поощряют уродование и извращение классических произведений. Умысел этих личностей искусства заключается в том, чтобы, с одной стороны, использовать для бизнеса популярное имя классика, а с другой стороны, преподнести под прикритием большого и славного имени фальсифицированное в угоду капиталистической реакции классическое произведение.

Враги народа, поборники мракобесия крайне нуждаются в фальсификаторах истории и в фальсификаторах литературы и искусства. Подлинные голоса переловых представителей европейской классической литературы страны и опасны современным рабавладельцам с Уолл-стрит. Покупаясь на независимость западноевропейских народов, они хотели бы отнять у них не только свободу, — не только их будущее, но и прошлое, оплевав их славы, бессмертные традиции.

За последние годы народы Западной Европы узнали на практике, что такое маршаллизация. Это слово стало бранным словом в устах каждого честного европейца. «План Маршалла» не только провалился, но предельно разоблачил себя и тех, кто его затеял. Оказалось, что можно маршаллизировать несколько проложных буржуазных правительств, кучку политических и литературных трупов, но нельзя маршаллизировать народы, ослабить их боевой патристический дух, нельзя маршаллизировать их родную литературу.

Вот почему сразу же разоблачают себя и бессильные, мерзопакостные попытки всяческих космополитических лад. Эти попытки ливий раз наглядно демонстрируют, что представляет собой космополитизм: отравленное идеологическое оружие, которое американские аггрессоры фабрикуют на экспорт вместе с ячтым порошком, жевательной резиной и бомбардировщиками.

Цирков и зверинцев Барнум пытался купить дом Шекспира в Стратфорде, намереваясь перевести его в Америку. «Пусть родной Шекспир станет то место, где за него заплатят больше денег», — так рассуждал азартный цирковой антрепренер. Только вмешательство известного английского писателя Теккерея не позволило американскому дельцу приторговать дом национального гения Великобритании.

Современные барнумы уже не нуждаются в том, чтобы вывозить дом Шекспира из Англии. Ведь они расположились рассматривать ее, как свой 49-й штат. Сегодня американские предприниматели так же, как буржуазные дельцы в Англии, зачастую совместно торгуют Шекспиром, всерьез пытаясь осквернить память о нем, всевозможными приемами выходящая из его наследия как раз то, что составляет национальную гордость английского народа.

В 1948 г. на книжных прилавках Соединенных Штатов Америки появились вышедшие в Лондоне исследование некоего Эрика Парtridge, озаглавленное «Непристойности в произведениях Шекспира...» Похабные упражнения несусветного пошлака над шекспировским творчеством не только не вызвали насмешек, возмущения или удивления в английской и американской буржуазной прессе, но, напротив, были восприняты как нечто закономерное.

В Америке и в других странах буржуазного Запада немало литературоведов, подобных Парtridge. В своих трудах они исследуют все то, что он, Шекспир, сделал для постижения таких «вненациональных категорий», как «физическая сторона половой любви», и тщательно изучают те места шекспировских пьес, где он уделяет внимание четвертому животному, а также пернатим и земноводным... С предельным цинизмом некая Сильвия Редлей заявила со страниц журнала британской ассоциации издателей: «Нельзя всякой книге — будь то Шекспир или Софокл, — та же, что у футбольного матча или у собачьих бегах». И добавила: «Ведь любая книга пишется для того, чтобы доставить развлечение».

Но не только для потехи, но только для того, чтобы потрахить вкус отсталого обывателя, переделывают, перецеливают и оглушают классиков продажные перья американского империализма. Неправильно трактовать этот вопрос в анекдотическом плане. Как ни поразительно невежественны в вопросах искусства американские дельцы, мы не должны забывать об основном, о том, что это — не вежество в агрессивном, преследующем в своей повседневной политической практике сознательные и гнусные реакционные цели.

Не будем ни на минуту забывать, что их духовное убожество все более и более нагло предъявляет претензии на мировое господство. И не от легкомыслия, а со злым умыслом американские воротилы сегодня так поощряют уродование и извращение классических произведений. Умысел этих личностей искусства заключается в том, чтобы, с одной стороны, использовать для бизнеса популярное имя классика, а с другой стороны, преподнести под прикритием большого и славного имени фальсифицированное в угоду капиталистической реакции классическое произведение.

Враги народа, поборники мракобесия крайне нуждаются в фальсификаторах истории и в фальсификаторах литературы и искусства. Подлинные голоса переловых представителей европейской классической литературы страны и опасны современным рабавладельцам с Уолл-стрит. Покупаясь на независимость западноевропейских народов, они хотели бы отнять у них не только свободу, — не только их будущее, но и прошлое, оплевав их славы, бессмертные традиции.

За последние годы народы Западной Европы узнали на практике, что такое маршаллизация. Это слово стало бранным словом в устах каждого честного европейца. «План Маршалла» не только провалился, но предельно разоблачил себя и тех, кто его затеял. Оказалось, что можно маршаллизировать несколько проложных буржуазных правительств, кучку политических и литературных трупов, но нельзя маршаллизировать народы, ослабить их боевой патристический дух, нельзя маршаллизировать их родную литературу.

Вот почему сразу же разоблачают себя и бессильные, мерзопакостные попытки всяческих космополитических лад. Эти попытки ливий раз наглядно демонстрируют, что представляет собой космополитизм: отравленное идеологическое оружие, которое американские аггрессоры фабрикуют на экспорт вместе с ячтым порошком, жевательной резиной и бомбардировщиками.

Еще в сороковых годах прошлого века американский антрепренер странствующих цирков и зверинцев Барнум пытался купить дом Шекспира в Стратфорде, намереваясь перевести его в Америку. «Пусть родной Шекспир станет то место, где за него заплатят больше денег», — так рассуждал азартный цирковой антрепренер. Только вмешательство известного английского писателя Теккерея не позволило американскому дельцу приторговать дом национального гения Великобритании.

Современные барнумы уже не нуждаются в том, чтобы вывозить дом Шекспира из Англии. Ведь они расположились рассматривать ее, как свой 49-й штат. Сегодня американские предприниматели так же, как буржуазные дельцы в Англии, зачастую совместно торгуют Шекспиром, всерьез пытаясь осквернить память о нем, всевозможными приемами выходящая из его наследия как раз то, что составляет национальную гордость английского народа.

В 1948 г. на книжных прилавках Соединенных Штатов Америки появились вышедшие в Лондоне исследование некоего Эрика Парtridge, озаглавленное «Непристойности в произведениях Шекспира...» Похабные упражнения несусветного пошлака над шекспировским творчеством не только не вызвали насмешек, возмущения или удивления в английской и американской буржуазной прессе, но, напротив, были восприняты как нечто закономерное.

В Америке и в других странах буржуазного Запада немало литературоведов, подобных Парtridge. В своих трудах они исследуют все то, что он, Шекспир, сделал для постижения таких «вненациональных категорий», как «физическая сторона половой любви», и тщательно изучают те места шекспировских пьес, где он уделяет внимание четвертому животному, а также пернатим и земноводным... С предельным цинизмом некая Сильвия Редлей заявила со страниц журнала британской ассоциации издателей: «Нельзя всякой книге — будь то Шекспир или Софокл, — та же, что у футбольного матча или у собачьих бегах». И добавила: «Ведь любая книга пишется для того, чтобы доставить развлечение».

Но не только для потехи, но только для того, чтобы потрахить вкус отсталого обывателя, переделывают, перецеливают и оглушают классиков продажные перья американского империализма. Неправильно трактовать этот вопрос в анекдотическом плане. Как ни поразительно невежественны в вопросах искусства американские дельцы, мы не должны забывать об основном, о том, что это — не вежество в агрессивном, преследующем в своей повседневной политической практике сознательные и гнусные реакционные цели.

Не будем ни на минуту забывать, что их духовное убожество все более и более нагло предъявляет претензии на мировое господство. И не от легкомыслия, а со злым умыслом американские воротилы сегодня так поощряют уродование и извращение классических произведений. Умысел этих личностей искусства заключается в том, чтобы, с одной стороны, использовать для бизнеса популярное имя классика, а с другой стороны, преподнести под прикритием большого и славного имени фальсифицированное в угоду капиталистической реакции классическое произведение.

Враги народа, поборники мракобесия крайне нуждаются в фальсификаторах истории и в фальсификаторах литературы и искусства. Подлинные голоса переловых представителей европейской классической литературы страны и опасны современным рабавладельцам с Уолл-стрит. Покупаясь на независимость западноевропейских народов, они хотели бы отнять у них не только свободу, — не только их будущее, но и прошлое, оплевав их славы, бессмертные традиции.

За последние годы народы Западной Европы узнали на практике, что такое маршаллизация. Это слово стало бранным словом в устах каждого честного европейца. «План Маршалла» не только провалился, но предельно разоблачил себя и тех, кто его затеял. Оказалось, что можно маршаллизировать несколько проложных буржуазных правительств, кучку политических и литературных трупов, но нельзя маршаллизировать народы, ослабить их боевой патристический дух, нельзя маршаллизировать их родную литературу.

Вот почему сразу же разоблачают себя и бессильные, мерзопакостные попытки всяческих космополитических лад. Эти попытки ливий раз наглядно демонстрируют, что представляет собой космополитизм: отравленное идеологическое оружие, которое американские аггрессоры фабрикуют на экспорт вместе с ячтым порошком, жевательной резиной и бомбардировщиками.

Еще в сороковых годах прошлого века американский антрепренер странствующих цирков и зверинцев Барнум пытался купить дом Шекспира в Стратфорде, намереваясь перевести его в Америку. «Пусть родной Шекспир станет то место, где за него заплатят больше денег», — так рассуждал азартный цирковой антрепренер. Только вмешательство известного английского писателя Теккерея не позволило американскому дельцу приторговать дом национального гения Великобритании.

Современные барнумы уже не нуждаются в том, чтобы вывозить дом Шекспира из Англии. Ведь они расположились рассматривать ее, как свой 49-й штат. Сегодня американские предприниматели так же, как буржуазные дельцы в Англии, зачастую совместно торгуют Шекспиром, всерьез пытаясь осквернить память о нем, всевозможными приемами выходящая из его наследия как раз то, что составляет национальную гордость английского народа.

В 1948 г. на книжных прилавках Соединенных Штатов Америки появились вышедшие в Лондоне исследование некоего Эрика Парtridge, озаглавленное «Непристойности в произведениях Шекспира...» Похабные упражнения несусветного пошлака над шекспировским творчеством не только не вызвали насмешек, возмущения или удивления в английской и американской буржуазной прессе, но, напротив, были восприняты как нечто закономерное.

В Америке и в других странах буржуазного Запада немало литературоведов, подобных Парtridge. В своих трудах они исследуют все то, что он, Шекспир, сделал для постижения таких «вненациональных категорий», как «физическая сторона половой любви», и тщательно изучают те места шекспировских пьес, где он уделяет внимание четвертому животному, а также пернатим и земноводным... С предельным цинизмом некая Сильвия Редлей заявила со страниц журнала британской ассоциации издателей: «Нельзя всякой книге — будь то Шекспир или Софокл, — та же, что у футбольного матча или у собачьих бегах». И добавила: «Ведь любая книга пишется для того, чтобы доставить развлечение».

Но не только для потехи, но только для того, чтобы потрахить вкус отсталого обывателя, переделывают, перецеливают и оглушают классиков продажные перья американского империализма. Неправильно трактовать этот вопрос в анекдотическом плане. Как ни поразительно невежественны в вопросах искусства американские дельцы, мы не должны забывать об основном, о том, что это — не вежество в агрессивном, преследующем в своей повседневной политической практике сознательные и гнусные реакционные цели.

Не будем ни на минуту забывать, что их духовное убожество все более и более нагло предъявляет претензии на мировое господство. И не от легкомыслия, а со злым умыслом американские воротилы сегодня так поощряют уродование и извращение классических произведений. Умысел этих личностей искусства заключается в том, чтобы, с одной стороны, использовать для бизнеса популярное имя классика, а с другой стороны, преподнести под прикритием большого и славного имени фальсифицированное в угоду капиталистической реакции классическое произведение.

Враги народа, поборники мракобесия крайне нуждаются в фальсификаторах истории и в фальсификаторах литературы и искусства. Подлинные голоса переловых представителей европейской классической литературы страны и опасны современным рабавладельцам с Уолл-стрит. Покупаясь на независимость западноевропейских народов, они хотели бы отнять у них не только свободу, — не только их будущее, но и прошлое, оплевав их славы, бессмертные традиции.

За последние годы народы Западной Европы узнали на практике, что такое маршаллизация. Это слово стало бранным словом в устах каждого честного европейца. «План Маршалла» не только провалился, но предельно разоблачил себя и тех, кто его затеял. Оказалось, что можно маршаллизировать несколько проложных буржуазных правительств, кучку политических и литературных трупов, но нельзя маршаллизировать народы, ослабить их боевой патристический дух, нельзя маршаллизировать их родную литературу.

Вот почему сразу же разоблачают себя и бессильные, мерзопакостные попытки всяческих космополитических лад. Эти попытки ливий раз наглядно демонстрируют, что представляет собой космополитизм: отравленное идеологическое оружие, которое американские аггрессоры фабрикуют на экспорт вместе с ячтым порошком, жевательной резиной и бомбардировщиками.

Еще в сороковых годах прошлого века американский антрепренер странствующих цирков и зверинцев Барнум пытался купить дом Шекспира в Стратфорде, намереваясь перевести его в Америку. «Пусть родной Шекспир станет то место, где за него заплатят больше денег», — так рассуждал азартный цирковой антрепренер. Только вмешательство известного английского писателя Теккерея не позволило американскому дель